

В.Ф. Джунковский
ВОСПОМИНАНИЯ

1865 – 1904

Владимир Фёдорович Джунковский

Воспоминания (1865–1904)

Серия «Записи прошлого»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22974827

*Владимир Джунковский. Воспоминания (1865–1904): Издательство
им. Сабашниковых; Москва; 2016
ISBN 978-5-8242-0147-5*

Аннотация

В. Ф. Джунковский (1865–1938), генерал-лейтенант, генерал-майор свиты, московский губернатор (1905–1913), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1913–1915), с 1915 по 1917 годы – в Действующей армии, где командовал дивизией, 3-м Сибирским корпусом на Западном фронте. Предыдущие тома воспоминаний за 1905–1915 и 1915–1917 гг. опубликованы в «Издательстве им. Сабашниковых» в 1997 и 2015 гг. В настоящий том вошли детство и юность мемуариста, учеба в Пажеском корпусе, служба в старейшей лейб-гвардии Преображенском полку, будни адъютанта московского генерал-губернатора, придворная и повседневная жизнь обеих столиц в 1865–1904 гг. В текст мемуаров включены личная переписка и полковые приказы, афиши постановок императорских театров и меню праздничных обедов. Издание проиллюстрировано редкими фотографиями из личного архива автора, как сделанные

им самим, так и принадлежащие известным российским фотографам. Публикуется впервые.

Содержание

В. Ф. Джунковский. Воспоминания: 1865–1904	9
Часть I. 1865–1883	33
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Владимир Джунковский

Воспоминания (1865–1904)

Издательство выражает благодарность Государственному архиву Российской Федерации за помощь в подготовке настоящего издания

Подготовка текста, примечания А. А. Литвин, С. М. Артюхов

© Издательство им. Сабашниковых, 2016

В. Ф. Джунковский.

Воспоминания: 1865–1904

«Немало труда и усердия на составление своих воспоминаний положил В. Ф. Джунковский. Когда-нибудь обширные записки эти в своем целом послужат будущему исследователю надежным основанием для восстановления придворной дворцовой жизни начала века, не говоря уже о том, что некоторые описанные в них эпизоды весьма ценны для характеристики последнего императора...».

Так написал в своих «Записках» издатель М. В. Сабашников, предполагая издать рукопись В. Ф. Джунковского в серии «Записки Прошлого», выходящей в 20-е годы прошлого века в издательстве «М. и С. Сабашниковых».

Должно было пройти почти 70 лет, чтобы существенная часть воспоминаний увидела свет.¹ А в 2015 году Издательство им. Сабашниковых выпустило в свет еще один, хронологически завершающий том.² Теперь читателю предлагается самое начало мемуаров В. Ф. Джунковского за 1865–1904 гг.

---

¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – Т.1. – 736 с.; Т.2. – 688 с.

² Джунковский В. Ф. Воспоминания. 1915–1917. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2015. – Т.3. – 736 с.

Первые главы изданного в 1997 году двухтомника «Воспоминаний» повествуют о повседневной жизни Москвы и Московской губернии, начиная с 1905 года, в этом году В. Ф. Джунковский был назначен московским вице-губернатором, а спустя время стал и губернатором.

Оказавшись во главе огромной губернии, В. Ф. Джунковский показал себя как умелый администратор и талантливый управленец. Город и губерния, все ее 13 уездов, 166 волостей и несколько тысяч сельских обществ быстро развивались, строились вокзалы и гостиницы, банки и особняки, доходные дома и рабочие кварталы. Появились новые виды транспорта: электрический трамвай и автомобиль, на Ходынском поле начались регулярные занятия – полеты частной авиашколы, а в центре города все больше улиц освещались электричеством.

Джунковский инспектировал благотворительные и учебные заведения и больницы, организовывал массовые торжества и спасательные экспедиции, занимался вопросами водоснабжения города и выделения земель, строительства новых зданий и сооружений. Эпоху «серебряного» века русской культуры в Москве нельзя представить полно без деятельности ее губернатора. Открытие ряда высших и средних учебных заведений и музеев, богатая театральная жизнь, борьба за сохранение памятников старины, – все это требовало каждодневных усилий губернатора. Важно то, что В. Ф. Джунковский пользовался огромным авторитетом среди

представителей самых разных социальных групп и слоев общества.

Крестьяне одной из подмосковных деревень даже переименовали свое село в Джунковку в знак особой признательности губернатору за поддержку при выделении им земельных наделов.

В 1908 году В. Ф. Джунковский был произведен в генерал-майоры и причислен к свите Николая II. Губернские проблемы требовали, а «свитские» возможности во многом помогали В. Ф. Джунковскому эти проблемы успешно решать, благодаря обращению непосредственно к императору. Успешное проведение юбилейных торжеств в 1912 году в Москве и губернии по случаю столетней годовщины Бородинского сражения послужило ступенью к его дальнейшему карьерному росту, 23 января 1913 года он был назначен на должность товарища министра внутренних дел и одновременно на пост командира Отдельного корпуса жандармов.

Эти несколько лет службы во главе жандармского корпуса оказались драматичными. Пытаясь реформировать эти по сути органы государственной безопасности Джунковский нажил себе немало врагов. Как писал П. П. Рябушинский в газете «Утро России», «истинно порядочный человек в жизни, В. Ф. Джунковский всецело перенес эту порядочность в область служебных отношений», а это явление «в России редкостное». В августе 1915 г. В. Ф. Джунковский был отстранен от службы по личному указанию императора Нико-

лая II, после того как представил на высочайшее имя записку, в которой подробно изложил неприглядные факты о деятельности Г. Распутина.

Заключительный том «Воспоминаний» за 1915–1917 гг., когда Джунковский добился назначения в действующую армию и командовал сначала дивизией, потом 3-м Сибирским корпусом на Западном фронте вплоть до октябрьского переворота, показывает, что его подход к делу и убеждения не претерпели изменений ни на фронте, ни в еще более сложной революционной обстановке. В условиях развала армии его соединение до конца оставалось боеспособным и верным присяге.

Не будем здесь повторять то, что уже нашло отражение в предисловии к изданным ранее томам воспоминаний. Подробная и обстоятельная статья З. Перегудовой и И. Пушкаревой к двухтомнику, вышедшему в 1997 году, содержит необходимые подробности служебной биографии В. Ф. Джунковского. Читатель может прочесть ее и по ссылке в электронной публикации.³

А мы вернемся к началу, к годам юности и первым шагам по службе мемуариста. Здесь имеет значение и семья, и учеба в Пажеском корпусе, и служба младшим офицером в гвардейском Преображенском полку, и его адъютантская служба при московском генерал-губернаторе великом князе

---

³ И. Пушкарева, З. Перегудова. В. Ф. Джунковский и его воспоминания http://az.lib.ru/d/dzhunkowskij_w_f/text_0010.shtml

Сергея Александровиче, т. е. практически весь период, во время которого шло становление личности В. Ф. Джунковского, складывался характер и жизненный опыт.

Начинается книга с краткого изложения родословной Джунковских. Ряд публикаций последних лет существенно дополняет рассказ о происхождении рода Джунковских, но в сведениях о родных и близких отца и деда В. Ф. Джунковского остается еще немало белых пятен. Собственно говоря, до появления на исторической сцене деда автора – Степана Семеновича Джунковского и упоминания о прибывшем в Москву монгольском князе Мурзы-хана Джунка, воеводы Ксендзовского или полковника Кондратия Джунковского – информации практически нет.

Основные же вехи биографии Степана Семеновича Джунковского известны. Особую роль в его жизни сыграло назначение учителем английского языка к старшим дочерям будущего императора Павла I. С воцарением Павла для С. С. Джунковского нашлось место для работы в составе Экспедиции государственного хозяйства, опекуновства и сельского домоводства при Правительствующем Сенате (1797–1803), затем он служил в реформированной Экспедиции государственного хозяйства и публичных зданий (1803–1811), а вышел в отставку уже с должности директора Хозяйственного департамента министерства внутренних дел. Ряд документов, связанных с его служебной деятельностью, оказался сохранен его потомками и являются составной частью архива

В. Ф. Джунковского. Скончался С. С. Джунковский в 1839 году.

26 января 1841 года император Николай I подписывает жалованную грамоту на дворянство детям С. С. Джунковского в лице: «статского советника Александра, титулярного советника Петра, лейб-гвардии Уланского полка поручика Федора и Санкт-Петербургского университета кандидата Степана Джунковских <...> всемилостивейшее соизволили помянутым нашим верноподданным Джунковским в вечные времена в честь и достоинство нашей империи дворянства равно обретающемуся в нашей всероссийской наследной империи, царствах, княжествах и землях прочему дворянству возвести, постановить и пожаловать яко ж мы сим и силою сего их Джунковских на вечные времена в честь и достоинство нашей империи дворянства возводим, постановляем и жалуем...»⁴

Безусловно, пожалование дворянства упрочило положение Джунковских среди служилой аристократии Санкт-Петербурга. Впрочем, С. С. Джунковский, который занимал чины и должности, дающие и личное и потомственное дворянство, не озаботился формальным подтверждением своих прав и достоинства при своей жизни, оставив решение этого вопроса одному из сыновей.

Тем не менее в соответствии с жалованной грамотой упомянутые в ней лица были внесены в родословную дворян-

---

⁴ ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Д.1. Л.2 об.

скую книгу Полтавской губернии. Одновременно с дворянством был пожалован и герб с латинским девизом «Deo et proxiimo» – «Богу и ближнему», ставший в семье Джунковских предметом особой гордости.

В браке с Анной Александровной Берг Степан Семенович Джунковский имел восемь детей: Александра (1804–1850), Анну (1806–1880), Марию (1808 – ок. 1864), Елизавету (ок. 1809–1885), Петра (1813–?), Федора (1816–1879), Прасковью (1818 – после 1890) и Степан (1821–1870). В своих воспоминаниях В. Ф. Джунковский очень кратко касается своей родословной, возможно понимая, что при новой власти лучше не дразнить лишний раз цензоров.

Отец В. Ф. Джунковского – Федор Степанович большую часть службы и жизни провел в Петербурге. Здесь он удачно женился, породнившись с многочисленным семейством Рашет, достиг высокого положения и сумел дать достойное образование своему немалому семейству, включавшему семь детей: Евдокию (1857–1935), Степана (1853–1879), Федора (1816–1879), Николая (1862–1916), Ольгу (1864–1920) и Владимира (1865–1938). Братья Федор и Степан умерли молодыми, не оставив потомства. Сестра Евдокия и сам автор также не озаботились продолжением рода. У брата Николая в браке с Е. В. Винер родился только один ребенок – сын Николай (1875–?). И только у сестры Ольги, вышедшей замуж за будущего генерала Гершельмана, было в браке восемь детей. Именно поэтому мужская линия рода оказалась практи-

чески прерванной.

В. Ф. Джунковский родился 7 сентября 1865 года, оказавшись младшим ребенком. Дворянское происхождение и положение отца – генерал-лейтенанта, начальника канцелярии генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича Старшего позволило всем братьям поступить в самое привилегированное учебное заведение столицы – Пажеском корпусе и учиться там.

Страницы «Воспоминаний», посвященные годам учебы в Пажеском корпусе (1876–1884) позволяют увидеть, как начал обретать силу характер мальчика Вади (так звали его домашние) в строгом мужском коллективе с устоявшимся порядком и сложившимися традициями. К тому времени, когда грудь выпускника украсил белый эмалевый мальтийский крест – знак корпуса, а палец – кольцо с наружной стальной поверхностью и внутренней золотой, Джунковскому пришлось столкнуться с разными сторонами человеческих отношений.

Программа корпуса, помимо обычной для военных училищ, включала также ряд предметов, связанных с придворной службой. Жизнь этого закрытого заведения регламентировалась не только требованиями уставов. Для пажа младшего класса все старшие являлись прямым начальством, которому он должен был подчиняться круглосуточно. «Все эти отношения старшего класса к младшему не могли не казаться дикими, но они имели, несомненно, и хорошую сторо-

ну, приучая к дисциплине и почтению старших, что в военной среде являлось совершенно необходимым», – вспоминал Джунковский.⁵

Опыт, вынесенный из службы пажом, сформулированный в наставлениях: «Камер-паж должен был быть спокойным, выдержанным, безукоризненно вежливым: почтительным, услужливым, расторопным – но отнюдь не суетливым и волнуемым, и в суетливости забывающим свое собственное достоинство», – пригодился на службе военной.

В корпусе же состоялись и первый выход в свет в роли камер-пажа, и участие в разнообразных дворцовых торжественных и печальных церемониях, встречах с членами императорской фамилии. Позднее Джунковский вспоминал: «На мою долю выпало счастье быть свидетелем стольких необыкновенных торжеств... в то время, когда Россия была во всем своем могуществе, когда Запад не только считался с нею, но и трепетал перед нею, чувствуя необыкновенную нравственную силу ее монарха».

По окончании Пажеского корпуса в 1884 г. В. Ф. Джунковский был выпущен в Гвардию, в 1-й батальон его величества лейб-гвардии Преображенского полка, которым командовал великий князь Сергей Александрович.

Служба в самом знаменитом полку Российской императорской гвардии складывалась для молодого офицера более чем успешно. В 1886 году В. Ф. Джунковский был произведе-

---

⁵ Здесь и далее текст цитируется по настоящему изданию.

ден в подпоручики, через четыре года получает звание поручика гвардии.

Воспоминаниям о службе в Преображенском полку посвящено немало страниц в русской мемуарной прозе. Караулы, командировки на охрану путей, занятия с личным составом, красносельские маневры, встречи в офицерском собрании, общение с представителями правящего дома. Но и здесь Джунковский нашел свой точный и образный тон, позволивший рассказывать о своей военной карьере обстоятельно и увлекательно.

Среди массы деталей, Джунковский зачастую забывает говорить о себе, своих увлечениях и симпатиях. Так, увлекшись фотографией еще в бытность младшим офицером Преображенского полка, он практически ничего не пишет о своем умении. И только внимательное изучение фотографий, сохранившихся в его личном фонде, позволяет предположить, сто множество снимков сделаны им самим. Большинство из них сделано в эпоху, когда было техники, позволяющей снимать в помещениях, в слабо освещенных полковых казармах, иных бытовых ситуациях.

Жизнь и судьба В. Ф. Джунковского резко изменились в связи с назначением его 23 декабря 1891 г. адъютантом к московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу и переездом в Москву. Это была уже вторая попытка великого князя заполучить подающего надежды способного офицера в свою свиту.

Вспоминая начало своей службы, Джунковский приводит разговор, случившийся еще в 1886 году с профессором В. П. Безобразовым о сущности адъютантской должности. «Я ответил, – пишет Джунковский, – что можно принести много пользы, занимая такую должность, что все зависит от себя, не надо только терять своего я и держать себя с достоинством, тогда должность адъютанта далеко не будет лакейской».

Тогда назначение не состоялось, несколько последних лет службы в полку сделали свое, возмужав и приобретя необходимые организаторские навыки, Джунковский с честью сумел проявить себя в новой должности. Любое задание, связанное с выездом на место, работой с людьми, оказанием практической помощи вызывала прилив сил и желание выполнить задачу как можно лучше. Такое отношение к делу было отмечено и великим князем, и его женой великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Джунковский же в свой черед отмечает: «Меня поразила простота, с какой держали себя их высочества, с первого же вечера я не чувствовал никакого не только страха, но и какого-либо стеснения, все так было просто, семейно, никто не вставал, когда проходила великая княгиня или великий князь, совсем как в простом семейном доме, даже проще чем в других аристократических домах. Меня всегда поражала та особенная простота, которая была свойственна членам императорского дома вне официальных приемов».

Что же касается придворной жизни, этой необходимой со-

ставляющей занимаемой должности, к ней отношение было несколько иным. «Однообразная праздная жизнь меня далеко не удовлетворяла и очень тяготила меня, – пишет Джунковский, – что не ускользало от великой княгини и от чуткого великого князя, который всегда выискивал для меня какое-нибудь поручение, чтобы мне не было так тоскливо. ... Они часто недоумевали, чем я недоволен. ... Потом привыкли к мысли, что никогда из меня не выйдет настоящего придворного, что я всегда буду глядеть в лес, и уже не боролся с этим, а напротив, старались облегчить мне в этом отношении жизнь».

Таких практических поручений было немало. Типичен рассказ Джунковского о проверке московских водостоков и подземных каналов. «Единственные живые существа, встречавшиеся нам на пути, были крысы, которых было довольно много. Весь путь мы проделали в два часа, по дороге отмечали люки, на которые затем были наложены пломбы. Вылезли мы из трубы в конце Александровского сада у Москвы-реки. Затем мы еще прошли по подземной трубе от Арбатских ворот под Пречистенским бульваром, вылезли у Храма Спасителя; эта труба была очень утомительна для ходьбы, так как надо было идти все время, согнувшись и выпрямлять спину. можно было только в местах люков. Из подземных сооружений пришлось еще осмотреть всю сеть отопления под Успенским собором, тут местами пришлось ползти, осмотрев ее всю вместе с князем Щербатовым, мы запечатали все входы

в отопление и люки».

Позднее В. Ф. Джунковский, как командир жандармов, будет организовывать охрану императора и царской семьи во время бородинских торжеств в Москве в 1912 году, путешествия императора с семьей по России 1913 г. и многие другие. Но первый опыт обеспечения безопасности царственных особ, не нарушающий торжественности мероприятия будет им получен и опробован в Москве.

В 1895 году в Москву переезжает старшая сестра Джунковского Евдокия Федоровна, согласившаяся после долгих переговоров принять на себя роль воспитательницы великой княжны Марии Павловны-младшей, дочери великого князя Павла Александровича. И практически одновременно с приездом сестры Джунковского повышают в звании до штабс-капитана, сократив, наконец, разрыв в его чинопроизводстве по сравнению с однокашниками из Пажеского корпуса.

Особенностью авторского повествования является подчеркнуто беспристрастный взгляд на происходящие события. Джунковский, кажется, специально подавляет личное отношение при освещении многих событий и лиц. Документальная точность изложения и скупость оценок и характеристик – таков его стиль. Но иногда эмоции прорываются, и тогда он называет влияние Г. Распутина – «распутинским ядом», Николая II – «царем-мучеником», а образцом политического деятеля видит П. А. Столыпина: «Теперь, когда Россия как государство уже не существует, как-то невольно

вспоминается еще ярче светлый образ русского, в полном смысле этого слова, человека».

В. Ф. Джунковский не мог обойти вниманием трагедию, бросившую тень на коронационные торжества и на все последующее царствование Николая II – Ходынскую катастрофу 17–18 мая 1896 года. И при всем личном уважении к великому князю Сергею Александровичу достаточно критически оценивает его роль, что заставляет с еще большим доверием относиться к выводам мемуариста.

Сдержанностью и крайней деликатностью отличаются строки, касающиеся близких людей, а также описываемые автором личные переживания. Еще в 1893 году Джунковский в Москве познакомился и полюбил Нину Васильевну Евреинову (сестру издателей С. В. и М. В. Сабашниковых). В начале 1897 года Джунковский и Евреинова решили взять временную паузу в отношениях.⁶ Поэтому его слова: «Я переживал в это время большую личную душевную драму» – являются ничем иным как свидетельством тяжелого нравственного состояния из-за неразрешимости этих отношений (Н. В. Евреинова в то время была замужем).

И в это тяжелое для Владимира Федоровича время великий князь отправляет его в сложную и опасную командировку

---

⁶ Дунаева А. Ю. Сергей Александрович, Елизавета Федоровна и Владимир Джунковский: история дружбы и духовного общения // Святая преподобномученица Елисавета Феодоровна Романова: путь к православию. XIV Свято-Елисаветинские чтения [материалы чтений / отв. ред. И. К. Кучмаева]. – Москва: ГАСК, 2012

ку – В. Ф. Джунковского назначают руководителем санитарного отряда Иверской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Официальная цель командировки – оказание помощи раненым турецким военнослужащим на театре военных действий Греко-турецкой войны.

Назначив Джунковского руководителем отряда, великий князь сделал идеальный выбор, ибо в ходе поездки в полной мере раскрылись и организационный, и административный, и дипломатический таланты Владимира Федоровича. Ему удалось установить доброжелательные отношения с турецкой военной администрацией и обеспечить качественную работу полевого госпиталя в чрезвычайно сложных фронтовых условиях. Позднее, уже в Стамбуле, русский отряд продолжил работу в турецком военном госпитале, что вызвало определенный дипломатический резонанс, и, в свою очередь, повлияло на отношение к России в ходе дипломатического разрешения «критского» вопроса.

А в 1901 году он был привлечен к работе по созданию и развертыванию деятельности Московского столичного попечительства о народной трезвости.

В. Ф. Джунковский справедливо считал алкоголизм опасной социальной болезнью, влияющей на физическое и нравственное здоровье русского народа. И включился в работу, сделав на несколько лет ее основным приложением сил. Комплексный подход, принятый в деятельности попечительства предполагал развертывание дешевых рабочих столовых

и чайных для самых необеспеченных слоев городского населения, которое должно сочетаться с просветительской работой создаваемых народных читален, библиотек, воскресных школ и народных курсов. Главную роль в этой деятельности он отводил народным домам. Московское попечительство преуспело также в открытии наркологических лечебниц для алкоголиков и организация досуга малоимущих москвичей. Для постановки драматических спектаклей привлекались артисты Малого театр, а летом устраивались народные гуляния и благотворительные спектакли на открытом воздухе. В течение 5 лет в Москве было создано 13 народных домов, которые на пике их популярности посещало ежедневно от 500 до 2000 человек.

Безусловно, просветительство, масштабная борьба с пьянством и даже самая широкая благотворительность были не способны решить разом все накопившиеся проблемы российского общества, но создание атмосферы доверия на самых разных уровнях эти инициативы решали весьма успешно.

В основе взаимоотношений Джунковского и с личным составом 4-й роты лейб-гвардии Преображенского полка, и с населением Москвы, и со служащими Корпуса жандармов, а затем и со стрелками 3-го и 7-го Сибирских армейских корпусов лежал один и тот же принцип. «Я считал, что главной обязанностью администратора, – пишет Джунковский, – должно быть стремление приобрести не популярность, а до-

верие населения, а для сего необходимо внедрить в себе сознание, что не население существует для власти, а власть для населения, а это, к сожалению, многие администраторы у нас не учитывали».

Примечательно, что тот же подход к людям Джунковский сохранил и сложной фронтовой обстановке спустя годы, во время Первой мировой войны: «...надо было только добросовестно самому исполнять долг и заботливо относиться к подчиненным, входить в их нужды, смотреть на них не как на пушечное мясо, а как на людей, не сентиментальничая при этом... Больше ничего не требовалось, и за таким командиром люди пойдут куда угодно, будут переносить с ним всякие лишения...»⁷

По возвращении домой с фронта в ноябре 1917 года Джунковский первый раз был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Довольно быстро оказавшись на свободе, он предпринял все необходимые шаги, чтобы выйти в отставку и попытаться найти место в новой для него реальности.

Следующий арест последовал в сентябре 1918 года, когда после покушения на В. И. Ленина в стране был объявлен «красный террор». Бывших генералов и офицеров арестовывали как заложников. Джунковский оказался в Бутырской тюрьме в Москве и только благодаря ходатайству артистов Малого театра во главе с М. Н. Ермоловой расстрель-

---

⁷ Здесь и далее цитаты приводятся по настоящему изданию.

ный приговор ему был заменен заключением.

12 февраля 1921 году он был вновь арестован и оказался теперь уже в Таганской тюрьме.⁸ Несмотря на дважды принимаемое трибуналом решение об освобождении, на свободу В. Ф. Джунковский вышел только в апреле 1922 года. Жил в доме сестры Евдокии Федоровны в 1-м Мало-Николопесковском переулке.

Готовя свои воспоминания, В. Ф. Джунковский, безусловно, понимал, ценность документа, как отражения времени. Четыре переплетенных дела разного формата, находящиеся на хранении в фонде № 826 Государственного архива Российской Федерации, содержат и разнообразные документальные вставки в авторский текст – выдержки из уставов, меню, театральные программы, письма, телеграммы, служебные документы, которые после перепечатки на пишущей машинке становятся естественной частью книги. Таким же образом включены в текст черновики писем автора к своей родной сестре Е. Ф. Джунковской. Активно используются и вырезки из газет и журналов, соединенные с текстом смысловыми связками. Как правило, этот прием использовался Джунковским для освещения больших публичных мероприятий, типа коронаций 1883 и 1896 гг., описания похорон императора Александра III, приездов в Москву императорской семьи и иных подобных торжеств.

---

⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп 1. Д.П-53985. Следственное дело по обвинению Джунковского В. Ф. 1921.

В. Ф. Джунковским использовались и такие официальные документы как приказы по лейб-гвардии Преображенскому полку, 1-й Гвардейской дивизии и Гвардейскому корпусу, высочайше утвержденные расписания торжеств и мероприятий с участием императорской семьи. В рукописи можно встретить и отчеты о его инспекторских поездках по частям Московского округа, расписания войск на парадах и маневрах, фрагменты из официальных отчетов, курируемых им лично благотворительных и иных организаций.

Точные даты начала и окончания работы над воспоминаниями не указаны автором. Можно предположить, что работа над текстом воспоминаний началась не позднее 1922 и продолжалась вплоть до начала 1930-х гг. Например, в одной из ремарок автор замечает: «Я его навещал последний раз в прошлом, т. е. 1922 г.». В другом месте автор прямо пишет: «...в настоящее время, когда я пишу эти строки ... один из этих ледоколов, переименованный в «Красина», совершил подвиг во льдах, спасши нескольких человек из экспедиции Нобиле».

Дирижабль «Италия» с полярной экспедицией на борту потерпел крушение 25 мая 1928 года, 12 июля того же года советская спасательная экспедиция сняла с льдины последних членов команды. Следовательно, в 1928 году В. Ф. Джунковский работал над главой, посвященной событиям 1904 года.

Таким образом основной корпус текста был собран к на-

чалу 1929 года, а редакция рукописи продолжалась до середины 1933 г., т. е. до момента продажи ее Литературному музею.

Значительную роль в решении Джунковского заняться «Воспоминаниями» сыграл М. В. Сабашников, уговаривавший его взяться за перо. Подвести некий жизненный итог подталкивало и то, что навсегда уехала за границу сестра Сабашникова – Нина Васильевна Евреинова, с которой Джунковского связывали самые близкие отношения.

Но без первоисточников работа над текстом рукописи представлялась делом невозможным. И пока обстановка и силы позволяли, Джунковский неоднократно в течение 1920-х гг. выбирался в Петроград-Ленинград, где он мог относительно свободно работать с документами своего личного фонда.

В 1929 году в ОГПУ был сфабрикован ряд обвинений в контрреволюционной деятельности против многих деятелей науки и культуры. Одним из эпизодов стало так называемое «Академическое дело». Поводом к его началу послужило письмо-донос в одну из ленинградских газет. Бдительный гражданин писал, что бывший начальник жандармов В. Ф. Джунковский спрятал в Пушкинском Доме «бумаги охранки». И что хранят в этом доме за народные деньги бумаги, за которые следует «качать военным судом»,⁹ а сам «жандарм»

---

⁹ Перченков Ф. Ф. «Дело Академии Наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР.

свободно приходит и работает с этими бумагами. Реакция последовала незамедлительно. Вскоре был арестован директор Пушкинского Дома академик С. Ф. Платонов, а затем – и целый ряд ученых.¹⁰ В ноябре 1929 давал показания в ОГПУ по поводу «Академического дела»¹¹ и Джунковский, отделавшись сравнительно легко – вынужденным переселением из Москвы на станцию Перловка. Но доступ к документам своего фонда теперь для него был наглухо закрыт.

Отлученному от архива, В. Ф. Джунковскому оставалось только редактировать уже имеющийся текст. В то же время и против М. В. Сабашникова, которой уже начал подготовку рукописи Джунковского к изданию в серии «Записи прошлого», были выдвинуты обвинения, а самого издателя арестовали. Публикация оказалась невозможной.

Три года спустя, находясь в чрезвычайно стесненных обстоятельствах и не располагая никакими возможностями заработка, В. Ф. Джунковский предложил директору Государственного Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевичу приобрести черновик и рукопись. Бонч-Бруевич согласился на покупку за 50 тысяч рублей и даже анонсировал в издаваемом музеем сборнике «Звенья» публикацию отрывков из книги.

В 1935 году Владимир Федорович похоронил сестру и по-

М.: Наука. 1995. С.201–235.

¹⁰ Брачев С. Дело академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117.

¹¹ Розенталь И. С. Он не любил провокаторов? // Родина. 1994. № 2. С. 41

селится у племянницы Надежды Николаевны Шебашевой в дачном поселке на Беговой улице. Именно сюда за ним и пришли в последний раз. 3 декабря 1937 года он был арестован. В тонком деле-папке подшит акт об уничтожении изъятых книг и фотографий, а также два протокола коротких допросов. Бывший генерал-лейтенант обвинения в контрреволюционной деятельности отверг и виновным себя признавать отказался.¹² Впрочем, мнение арестованного никак не повлияло на его исход.

21 февраля 1938 года на Бутовском полигоне В. Ф. Джунковский был расстрелян.

Рукопись его воспоминаний была изъята из отдела рукописей музея и передана на закрытое хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне – Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)). Здесь же через некоторое время оказался и архив, переданный ранее В. Ф. Джунковским в Пушкинский Дом.

Текст настоящего издания воспроизводится с минимальными правками, стиль оригинала сохранен. Исключение составляют написание отдельных слов и употребление прописных букв, которые приведены в соответствие с правилами современного русского языка. Опечатки и грамматические ошибки в машинописном тексте исправлены без оговорок, а фактические неточности оговорены в примечаниях.

---

¹² ГА РФ. Ф.10035. Оп 1. Д.П-74952. ЛЛ. 1–54. Следственное дело по обвинению Джунковского В. Ф. 1937

Географические названия приведены в соответствие с их написанием в начале XX века. Общепринятые сокращения слов, обозначающие титулы, чины, рода войск и т. п., в тексте раскрыты. К номерам воинских частей и соединений добавлялось через дефис окончание, чтобы они отличались от чисел. Так, например, принятое в Российской империи написание отчества императрицы и великой княгини Феодоровна воспроизводится как Федоровна, а сокращенное обозначение воинских чинов раскрыто (г.м. – генерал-майор).

В рукописи за 1865–1904 гг. отсутствуют названия подглавок, поэтому при публикации текст был разбит на главы в соответствии с авторской хронологией изложения, а соответствующий год вынесен как наименование очередной главы.

При подготовке рукописи В. Ф. Джунковский исключил из окончательной редакции главу своих воспоминания за 1892 год. Эти страницы хранятся в отдельной папке с надписью «Не публиковать». Следуя воле автора, мы не приводим их в настоящем издании.

Большой объем включенных автором в корпус «Воспоминаний» документов: выдержки из отчетов, приказы по воинским частям, циркуляры и выдержки из газетных статей – в основном иллюстрирующих текст – опущены или сокращены. Сокращения и пропуски в тексте отмечены отточием в конце (начале) предложения, а более значительные заключены в угловые скобки и снабжены подстрочным примечанием.

Авторские примечания обозначены как «Примеч. автора».

Даты в соответствии с общепринятыми правилами (до 1 февраля 1918) приводятся по старому стилю, в нескольких необходимых случаях рядом в круглых скобках проставлена дата по новому стилю. Издание снабжено именованным указателем. При подготовке примечаний и указателя были использованы документы личного фонда В. Ф. Джунковского (ГА РФ. Фонд 826. Опись.1) и некоторых других фондов и коллекций, воспоминания современников, справочная литература, а также ряд интернет-ресурсов и сетевых справочников и периодических изданий.

Рукопись предоставлена к публикации Государственным архивом Российской Федерации. Археографическая подготовка текста и примечаний – С. М. Артюхов, А. А. Литвин, Е. А. Полуэктова, вступительная статья – А. А. Литвин. Составление указателя имен – С. М. Артюхов, А. А. Литвин. Выявление, отбор, копирование иллюстраций – С. М. Артюхов, И. Н. Засыпкина, С. А. Хорошева, Е. А. Полуэктова.

Составители выражают особую благодарность Д. А. Белановскому, И. А. Ганичеву, Е. А. Голосовской, Е. Л. Киселевой, Л. В. Крячковой, З. И. Перегудовой, А. Н. Сидоровой, М. В. Сидоровой, И. С. Тихонову, Е. А. Чирковой, В. М. Шабанову, В. Л. Юшко за помощь, консультации и ценные советы.

Часть I. 1865–1883

Я родился в 1865 г., 7-го сентября, в С.-Петербурге. Моему отцу было 49 лет, моей матери – 43 года. Отец мой Федор Степанович в то время был в чине генерал-майора и за год до моего рождения был назначен начальником канцелярии генерал инспектора кавалерии и членом Комитета по устройству и образованию войск, в каковых должностях и пробыв почти до самой своей кончины. Мать моя Мария Карловна, рожденная Рашет, была лютеранкой, но постоянно ходила с нами, своими детьми, в православную церковь, знала прекрасно все обряды нашей церкви и поддерживала их в нас. Она значительно пережила моего отца и скончалась в 1895 г., через 16 лет после его смерти. Родители моего отца и моей матери умерли задолго до моего рождения, поэтому я знал о них только по рассказам.

О моем деде со стороны моей матери у меня сохранилось одно письмо моего дяди (старшего брата моего отца) Александра Степановича, который был женат на сестре моей матери Наталье Карловне. В 1830 г. 4-го марта он написал следующее письмо своей теще и моей бабушке:

«Дражайшая маменька! Получил я горестное известие, что нет уже более на свете моего дражайшего папеньки, удар сей для всего нашего семейства есть ужаснейший, но будем надеяться на Бога, который нас не оставит, одно, что может

меня утешить в сей потере, когда я получу известие, что Вы здоровы и успокоены.

Вот более двух недель как предчувствие мне говорило, что лишусь добрейшего родителя, но утешал себя надеждой, что Бог сохранит дни его и что я еще увижу [его], но 1 марта, приехавши из Могилева, был предупрежден моими товарищами, что папенька болен – по полученному письму от Элерца, он и просил их убедительно сказать мне правду и не скрывать, что более меня терзает неизвестность, чувствую, что более не увижу папеньку.

Теперь пишу к Вам и прошу Вас утешиться этой потерей, всякий из нас будет посвящать жизнь свою для подкрепления сил Ваших и успокоить от этой потери, как оставшееся одно утешение в мире сем, и так прошу Вас, дражайшая маменька, будьте спокойны и берегите здоровье свое для столь многочисленного семейства.

Прощайте, уповаю на Бога как покровителя всех нас, что услышит молитвы наши и сохранит в здоровье нашу родительницу.

Остаюсь искренно любящий и почитающий сын Александр».

Далее приписка моему дяде Евгению Карловичу Рашет: «Любезный брат Евгений! Не в состоянии тебе описать чувствуемую мою горесть при получении известия о смерти нашего родителя, одно утешение для нас – осталась наша маменька, и потому как сын бросаюсь к брату самому близкому

к ней, утешай ее в горести и уверь, что я переношу удар сей в уповании на Бога, что он не оставит нас сиротами и подкрепит силы дражайшей родительницы. И так надеюсь, любезнейший, что ты исполнишь без сомнения мои чувствования.

Теперь прошу тебя не оставить меня без уведомления о нашем семействе, в каком оно состоянии осталось после смерти обожаемого родителя, что предпримет маменька, когда оставит Ригу, когда и в какое время кончил дни наш ангел. Пиши мне, будь мне утешителем в горести моей. И так, любезный брат, не стало того, кто был и есть дороже всего для нас на свете, кто посвящал жизнь свою для своего семейства, которое должно оплакивать [его] как отца беспримерного.

Прощай, будь здоров и не забывай любящего тебя брата Александра.

Целую заочно наших домашних».

Мой дед по матери скончался 27-го января 1830 г., 59-ти лет от роду, а моя бабушка в 1854 г. 70-ти слишком лет.

Из воспоминаний о ней у меня сохранилось следующее письмо, написанное ее дочерью, моей тетушкой, Эмилией Карловной другой моей тетушке Юлии Карловне от 21 августа 1854 г.:

«Милая и дорогая моя Юленька!

Предчувствие меня не обмануло; прощаясь со всеми Вами, я с невыразимой горестью смотрела [на] нашу добрейшую маменьку и чувствовала, что уже в последний раз целую

ее дорогие руки, руки той, которая так много мне оказывала добра, с которой я проводила столько лет будучи вдовой.¹³

Ах, Юленька, письма Ваши все предо мной лежат, и я все еще не могу поверить этой жестокой истине. Мне не надобно тебе рассказывать, что я чувствую, ты по себе это знаешь. С тех пор как мы в Петрозаводске, ни одного разу не читала я писем Ваших без слез, мне всегда было чрезвычайно грустно, и я как будто предчувствовала – непременно желала, чтобы дети и Матвей Осипович написали бы еще маменьке, как будто зная, что это в последний раз. Когда я сижу одна, все перед глазами у меня ваша квартира, я вспоминаю каждый угол, лицо незабвенной маменьки передо мной, как оно иногда было озабочено. Как радовалась я когда-нибудь поехать в Петербург, увидеть маменьку, вас всех моих дорогих. И уже не найду более той, которая всегда принимала такое живейшее участие во всех и оживляла все своим присутствием. Она, наша незабвенная, любила нас всех так нежно, и теперь, когда ее уже нет, мы должны еще теснее быть связанными узами родства и дружбы. Для меня одно утешение, что она все видит и молится за нас, и что когда-нибудь мы увидимся

---

¹³ Эмилия Карловна Рашет была замужем за Бауманом, от этого брака у нее была дочь Луиза, вышедшая замуж за полковника Жеребцова, у них были две дочери Елизавета и Анна – последняя была талантливой певицей. Овдовев, Эмилия Карловна вышла замуж за М. О. Лешевича, тоже вдовца с двумя детьми Анной и Марией. Анна вышла замуж за Н. М. Шебашева, впоследствии командира л. – гв. Финляндского полка, у них были дети Анна, Мария, Николай, Александр и Надежда – мы очень были дружны со всей этой семьей. – Примеч. автора.

со всеми нашими милыми. Наташа,¹⁴ Александр Степанович – все они ее встретили.

Зачем я не с Вами, и я повторяю эти слова, как приятно было бы высказать все то, что так тяжело лежит на сердце.

Могли ли мы думать, что так скоро и так внезапно ее лишимся? Помнишь, когда я тебе говорила об опасениях Густава Богд[ановича] Иверсена, он часто мне говорил: «Это частое биение сердца было недаром». Могу себе представить, какой это был для всех Вас удар, видя ее за несколько минут совершенно здоровой. Но она всегда желала так умереть. Для нее было бы невыносимо быть долго больной при ее живом характере. Пиши мне, умоляю тебя, когда тебе грустно, поверяй мне твои чувства и мысли, я уже думала, что Вы мне не будете писать – и это приводило меня в отчаяние; ты знаешь, как я Вас люблю и что все, все меня интересует. Не будешь ли ты теперь жить с доброй Машенькой и Ф. С.?¹⁵ Я воображаю, каково тебе приезжать в город и входить в Вашу квартиру, где все, все напоминает, что ее уже больше нет. Как, бывало, она радостно нас встречала и провожала почти до ворот.

О Боже, Боже! для чего мы должны испытывать эту жестокую потерю. Но мы не должны роптать. Всевышний знает, для чего Он нам посылает это горе! Наша добрая мамень-

---

¹⁴ Наталья Карловна сестра моей матери и жена моего дяди Александра Степановича, старшего брата отца, оба умерли раньше. – Примеч. автора.

¹⁵ Мои родители. – Примеч. автора.

ка теперь счастлива и покойна, может быть нам еще много предстоит испытаний. Нет, мой ангел Юленька, эта потеря для всех нас равна, у тебя нет семейства, но поверь, есть сестры, которые тебя нежно любят, я первая готова всегда разделить с тобой все, что имею. Ты знаешь моего доброго мужа, как [он] любил маменьку, а потому можешь поверить, как он чувствует эту потерю, дети очень печальны, но могут ли они уже по своей молодости чувствовать это так, как мы? Что делают все наши? Ванечка?¹⁶ Как его здоровье? Как много маменька заботилась и сокрушалась о его здоровье. Николай Андреевич нам писал, он первый уведомил нас о нашей невозвратимой потере. Пиши мне, Юленька, что намерена теперь делать, куда будет ходить бедный Андриуша? Как жалко, что нас нет в Петербурге. Воображаю печаль Коли, он так любил нашу добрую старушку. Помнишь, я тебе говорила – Бог знает, доживет ли маменька, что не будет более нуждаться в деньгах? Это ее часто тяготило. Я всегда истинно желала иметь столько, чтобы уделять нашей доброй маменьке. Господь не привел меня насладиться этим счастьем. Я тебе очень буду благодарна за портфель – все письма нашей незабвенной лежат у меня, пусть они останутся и на память моим детям. Я писала Кати¹⁷ и просила ее очень прислать

---

¹⁶ Мой дядя Иван Карлович (служил в Кабинете его величества) был женат на моей тетушке Елизавете Степановне, сестре отца, у них была большая семья, с которой мы были очень близки. – Примеч. автора.

¹⁷ Екатерина Карловна Шнейдер – сестра моей матери. – Примеч. автора.

мне альбом, который я подарила маменьке, если возможно, то исполните мою просьбу...» (окончание письма не сохранилось).

У моей матери было четыре брата и шесть сестер, из них я помню только Владимира Карловича – своего крестного отца, он занимал видное место в Горном департаменте, был женат на княжне Максutowой Екатерине Петровне. Из сестер моей матери помню Эмилию Карловну, когда она была замужем за М. О. Лешевичем, Екатерину Карловну, которая была замужем за Шнейдером, директором 3-й С.-Петербургской гимназии, и Юлию Карловну, с которой мы очень были близки – после кончины нашей бабушки она жила почти всегда с нами. Одна из сестер моей матери Елизавета Карловна была замужем за Грессером, отцом известного С.-Петербургского градоначальника при Александре III, у них было еще три сына, о которых я буду говорить в свое время, один из них, Николай, был женат на своей двоюродной сестре – Марии Ивановне – дочери Ивана Карловича Рашет. Она была моей крестной матерью, я был очень привязан к ней, это была женщина совершенно исключительной доброты.

У моего отца было три брата¹⁸ и пять сестер, из коих я помню только двух своих дядей и двух тетушек:

1. Петра Степановича, который владел нашим родовым

---

¹⁸ ...три брата и пять сестер... – Ульяна (1802–1827), Александр (1804–1850), Анна (1806–1880), Мария (1808 – ок. 1864), Елизавета (ок. 1809–1885), Петр (1813-?), Прасковья (1818 – после 1890), Степан (1821–1870).

имением в Полтавской губернии, в Константиноградском уезде, служил всю свою жизнь по выборам, был избираем в течение целого ряда трехлетий в предводители своего уезда, женат он был на Елене Яковлевне Селецкой. Одна из его дочерей, Юлия Петровна, была замужем за князем Хилковым, старший их сын был известный Д. А. Хилков, схема жизни которого не лишена была причудливости: 1) блестящий паж и лейб-гусар, очень набожный, православный христианин; 2) видный участник русско-турецкой войны 1877–78 гг.; 3) ярый толстовец, отрицающий православие, государство, войну, собственность, которую и раздает; 4) революционер; 5) враг церковности, индивидуалист; 6) верный сын православия, почти затворник; 7) вновь казак, геройски окончивший свою жизнь на войне 1914 г.

2. Степана Степановича – я его помню очень смутно. Это был известный видный русский адепт католицизма. С юных лет он отличался особенной религиозностью и по окончании университета отправился за границу с намерением знакомить иностранцев с православием. Приехав же в Рим, он обратился в католичество, вступил в орден иезуитов и после пятилетнего занятия католическим богословием принял священство, был кандидатом в кардиналы. Затем он вышел из ордена иезуитов и отправился в Париж с целью проповедовать соединение церквей, основал «миссию» в окрестностях Парижа и в короткое время сделался одною из популярнейших личностей в Париже. Затем он снова явился в Рим

с проектом переустройства римской церкви, главным образом нападая на безбрачие духовенства. Под разными предлогами его стали удалять из Рима для выполнения разных поручений, которые он все выполнил, последним была миссия его к эскимосам, у которых он провел семь лет. В это же время он напечатал большое количество проповедей на французском, норвежском, английском и итальянском языках и несколько астрономических и философских трактатов. Вернувшись в Рим, он настаивал на осуществлении проекта, представленного им папе, и сам, вопреки правилам католической церкви, женился на англичанке Монтгомери. Тогда папа его отлучил от церкви. В результате он вернулся вновь в православие, вернулся в Россию искренне убежденным православным, поступил в Синод, в библиотеку, коей он и отдал все свои научные богословские труды.

После его смерти вдова его осталась без всяких средств – очень бедствовала, уроками добывая средства для воспитания своих двух детей.

3. Елизавету Степановну – которая была замужем за Иваном Карловичем Рашет, моим дядей с материнской стороны. Она значительно пережила своего мужа, я ее очень хорошо помню, это была поразительно добрая женщина, ее доброта передалась и всем ее детям.

4. Прасковью Степановну – она была замужем за предводителем дворянства Н. Ф. Кованько, всегда жила на юге в своем имении в Богодуховском уезде, я с ней познакомился

будучи уже офицером за несколько лет до ее кончины. Ей было тогда за семьдесят, но ей никак нельзя было дать этих лет, она ежедневно брала холодный душ и выглядела очень бодрой. Сын ее Д. Н. Кованько был в течение ряда трехлетий предводителем дворянства в своем уезде.

Другие мои тетушки со стороны моего отца скончались еще до моего рождения, они были все замужем – старшая за графом Доррер, вторая, Анна, за Вальховским и третья, Мария, за Волховским,¹⁹ жили они все на юге, и потому я и с семьями их так и не познакомился.

Род наш происходит от монгольского князя «Мурза-ханг-Джунк», прибывшего в Москву в XV веке при Василии III в составе посольства. От него произошел воевода Ксендзовский, владевший поместьем в Галиции под названием «Джунковка». Потомство этого последнего разделилось на две ветви – русскую и галицкую.

Родоначальником русской ветви считается полковник черниговский Кондратий Джунковский, живший в конце XVII века, сын его Степан был полковым есаулом Нежинского полка, а затем протопопом батуринским. У этого последнего был сын Семен, тоже протопоп, и у него три сына священника, один из них Семен Семенович и является моим прадедом, а сын его Степан Семенович моим дедом.

---

¹⁹ Сведения о сестрах отца автора уточнены: старшая, Ульяна (1802–1827) состояла в браке с С. Г. Волховским, Анна (1806–1880) – в браке с П. С. Вальховским, Мария (1808 – не ранее 1863) – с графом Ф. О. Дорером.

Дед мой родился в 1764 г., вскоре после воцарения императрицы Екатерины II, и по окончании курса наук в Харькове в 1784 г. отправлен был императрицей по ходатайству ее духовника Самборского на казенном, из Кабинета, содержании в Англию для усовершенствования в науках и земледелии. Семь лет он провел в Англии, Франции и Фландрии и по возвращении в Россию определен был сержантом в л. – гв. Преображенский полк и учителем английского языка к великим княжнам.

При вступлении на престол императора Павла I мой дед был пожалован капитаном, а в следующем году переведен в статскую службу и, все время оставаясь учителем английского языка дочерей и сыновей Павла I, определен был в Экспедицию государственного хозяйства²⁰ при министерстве внутренних дел. В 1811 г. он был назначен директором Хозяйственного департамента.²¹

С 1803 г. состоял членом и непременно секретарем Императорского вольно-экономического общества, был постоянным редактором «Трудов» общества. Ему поручались, по высочайшему повелению, разные дела – по приведению всех

---

²⁰ ...Экспедиция государственного хозяйства... – Экспедиция государственного хозяйства, опекунов и сельского домоводства при Сенате (1797–1803) и сменившая ее Экспедиция государственного хозяйства и публичных зданий (1803–1811).

²¹ ... Хозяйственного департамента. – Хозяйственный департамент министерства внутренних дел был образован 4 ноября 1819 г., на основе преобразованной Экспедиции государственного хозяйства в составе министерства.

мер и весов в империи в однообразии; по поселению колонистов; по делам Лифляндии; по осушке окрестностей С.-Петербурга. Он оставил после себя целый ряд научных трудов по экономическим вопросам и сельскому хозяйству, скончался в 1839 г., будучи 75-ти лет от роду. Женат он был на Анне Александровне Берг, она скончалась значительно раньше моего деда, о ней я ничего не знаю.

В 1845 г. род наш был включен в родословную дворянскую книгу с пожалованием особого герба, под которым по латыни было выгравировано «Deo et proximo».²²

Этот девиз тщательно хранили в своем сердце мои родители и следовали ему в течение всей своей жизни, стараясь воспитывать и нас в том же духе, и если кто из нас не соблюдал его во всей строгости, то это вина уже не наших родителей, а нас самих.

Когда я родился, мои родители жили на Захарьевской улице в казенной квартире в казармах Кавалергардского полка. Не считая меня, семья наша в то время состояла еще из трех братьев – Стефана, Федора и Николая и двух сестер – Евдокии и Ольги. У моих родителей была еще одна дочь Мария, но она умерла в 50-х годах, не прожив и двух лет. Старшему моему брату Степану было тогда 12 лет, он как раз в это время поступил в Пажеский корпус, сестре Евдокии – 8 лет, остальные были еще маленькие.

Вскоре после моего рождения состоялся переезд на новую

---

²² «Deo et proximo» – (лат.) «Богу и ближнему».

квартиру, тоже казенную, в казармах л. – гв. Конного полка против церкви Благовещения.²³ С этой квартирой у меня связаны все воспоминания моего детства, самые дорогие, в ней мы прожили 13 лет дружно, хорошо. Квартира была чудная, внизу помещалась подведомственная моему отцу канцелярия генерал-инспектора кавалерии (генералом-инспектором был великий князь Николай Николаевич Старший), а над канцелярией была наша квартира. Комнаты были большие, высота – 8 аршин, светлые. Вся наша семья была широко размещена в ней. Рядом с большой прихожей была длинная проходная комната, из которой налево дверь вела в обширный кабинет моего отца, дверь в него всегда была открыта, за исключением случаев, когда у моего отца бывали заседания Комитетов, направо вела дверь в такую же обширную комнату, где жил мой старший брат Степан. Прямо вела дверь в залу, это была большая угловая комната с четырьмя огромными окнами. В углу стояла масса растений, выходило что-то вроде зимнего сада, мы всегда детьми играли и прятались среди этих растений. Рядом с комнатой моего брата была длинная узкая комната в одно окно, это была «шкапная» и уборная моего отца и брата. Далее из залы шли подряд четыре комнаты одинаковых размеров – гостиная, столовая, комната моей старшей сестры, спальня родителей и большая детская, потом, когда мы стали подрастать, эту комнату разделили пополам. Все эти комнаты были еще соединены ко-

---

²³ Сейчас этой церкви не существует, она разрушена в 1929 г. – Примеч. автора.

ридором. Кухня тоже была огромная, и гладильня, а людские помещались на антресолях над кухней и гладильней. Около передней была еще отдельная комната для человека моего отца.

Освещались комнаты керосиновыми и масляными лампами, но у нас в детской горели всегда сальные свечи в больших шандалах, на которых всегда лежали щипцы, которыми приходилось очень часто подрезать фитиль, когда он начал коптить. У отца в кабинете на письменном столе стояли подсвечники с парафиновыми свечами, такие же вставляли и в люстры, они бывали разных цветов, и это, я помню, на меня всегда производило большое впечатление.

Мать моя меня не кормила, мне была взята кормилица, которая так сроднилась с нашим домом, так привязалась ко мне и ко всем нам, что постоянно в течение целого ряда лет навещала нас, жила у нас неделями и всегда привозила мне гостинцы. Я очень любил эту прекрасную женщину и всегда радовался ее приезду. После кормилицы у нас была няня, о которой я вспоминаю тоже с искренним дорогим чувством. Затем у нас были гувернантки и гувернеры. Ничего неприятного и дурного они не вызывают в моей памяти, конечно, к одним я был меньше привязан, к другим – больше. Наиболее близкими ко мне и кого я вспоминаю с теплотой и уважением были m-lle Segard – француженка и М. Ф. Краузе, они совершенно слились со всей нашей семьей, мы не чувствовали в них гувернанток в полном смысле этого слова, а

чувствовали, что это наши друзья, члены нашей семьи, хотя они далеко не были снисходительны, напротив, были даже очень требовательны.

Детство свое я начинаю помнить смутно с трехлетнего возраста, у меня сохранилась в памяти поездка на дачу на Поклонную гору в окрестностях С.-Петербурга. Затем, уже совсем ярко, я помню, как мы жили в 1870–71 гг. в Дубцах – имении друга моего отца Обольянинова в 40 верстах от Луги, помню даже расположение комнат и парк, а также и путь от г. Луги, по отчаянной дороге, до имения. Особенно хорошо сохранился в моей памяти мой переезд по этой дороге с моей матерью, когда меня повезли в Петербург со сломанным на руке пальцем. Я не помню, было ли это в 70-м или 71-м году. Я бегал по комнатам «дубцовского» дома, поскользнулся и упал против большого старинного комода красного дерева. Падая, я как-то нечаянно попал средним пальцем правой руки в ключ, который торчал в нижнем ящике комода. Ключ повернулся, и я вывихнул и сломал себе палец, который повис. Боли особенной не было, я даже не закричал и гораздо менее испугался, чем все сбежавшиеся на мое падение. Медицинской помощи в деревне никакой не было, и моя мать решила везти меня в Петербург, боясь, что я лишусь пальца. Снарядили дормез, так называли в то время огромные кареты, в которых на ночь устраивались кровати и можно было отлично спать, в этих дормезах и путешествовали, когда еще не было железных дорог. В эти дормезы

запрягали шесть лошадей, четверик к дышлу и две в унос, на одной из них сидел форейтор.

Так мы и поехали уже поздно вечером, дорога была ужасная, недалеко от Луги приходилось переезжать реку на пароме. Тут был крутой спуск к реке по сыпучему песку и очень неровный. Было темно, и кучер наехал на косогор, карета упала. Моя мать страшно испугалась за меня, но все обошлось благополучно. Нас извлекли целыми и даже мою руку не придавили. Пока поднимали тяжелую карету, мама со мной, и еще не помню, кто ехал с нами, пошли пешком по направлению к парому. Тут, будучи четырех или пяти лет от роду, я проявил способность ориентироваться. Дорог было несколько, мы выбрали одну, по которой пошли и очень скоро подошли к реке, но парома мы не увидели. Очевидно, надо было идти или вправо, или влево. Я настаивал – налево, другие же говорили – направо, но скоро должны были убедиться, что я был прав. Я ликовал и был очень горд.

Приехав в Петербург, моя мать с гордостью об этом рассказала моему отцу.

В Петербурге мне положили всю руку в гипс и я, кажется, несколько недель просидел с неподвижной рукой. Было очень скучно, отец уехал в Дубки, все родные были на даче, и только одна Лизочка Жеребцова, сверстница моя по годам, дочь моей двоюродной сестры, приходила почти каждый день играть со мной и развлекать меня. Палец мой все же остался на всю жизнь кривым и не сгибающимся. Доктор

Масловский, который меня лечил, очевидно, плохо его вставил, да и немудрено, он был совсем другой специальности, он был акушером.

Следующее событие, которое осталось у меня в памяти, это было производство моего старшего брата в камер-пажи в 1871 г. и затем его производство в офицеры, в 1872 г., в л. – гв. Уланский его величества полк и отъезд его в Варшаву. На меня это произвело большое впечатление, и я гордился таким братом, бегал постоянно в его комнату и, в его отсутствие, трогал все его офицерские атрибуты, надевал каску на голову и смотрелся в зеркало, мечтая о том времени, когда и я буду офицером. Но не прошло и месяца после радостного события производства в офицеры старшего брата, как пришлось мне столкнуться с первым горем – как-то неожиданно, проболев очень недолго, умер второй мой по старшинству брат Федор от холеры.

Я был очень дружен с ним, хотя он и был на пять лет старше меня, с ним было всегда очень весело играть, он умел придумывать веселые остроумные игры, талантливо писал стихи и очень импонировал этим, мы, младшие братья, с большим уважением смотрели на него и как-то гордились им.

Вот его стихотворение, написанное им в год смерти, когда ему минуло 12 лет:

Сегодня мне двенадцать лет!

Двенадцать лет не шутка!
В сии года
Иные мальчуганы
Сократами сльвут.
В двенадцать лет
Иные люди
Разумны уж бывают,
Не так, как я —
Не говорят они, в эти лета
Мы будем графами, князьями.
А я? как мельница мелю все этот вздор
И строю замки «en Espagne».²⁴

Любимыми играми его были именно – играть в графы и князья, всем нам, своим младшим братьям, он давал титулы и внедрял в нас рыцарский дух. Сам он, будучи поклонником Суворова, брал его титул или графа Траверсе, мне дал титул графа Тулуза де Лотрек.

Вот еще стихи, которые он мне посвятил, написанные им за два месяца до кончины:

Вадя, Вадичка, мой друг!
Я тебе пишу посланье —
Будь прилежен, не упрям,
Не шали, но будь послушен,
И смотри – не лги.
Вот тебе какой совет

---

²⁴ «en Espagne» – (фр.) по-испански.

Я от всей души даю!

Последнее его стихотворение за месяц до смерти было посвящено полковнику Сюннербергу (на него произвело большое впечатление, что Сюннерберг, будучи уланом его величества того полка, куда вышел в офицеры мой брат, получил армейский полк и должен был оставить блестящий уланский гвардейский мундир).

О Сюннерберг, о дорогой!
Покинул полк ты свой родной,
Покинул ты улан царя гвардейских
И принял полк армейский.
Имеешь Анну, с короной Станислава,
И Володимира за храбрость!
Ты уж полковник вот четыре года,
А офицером восемнадцать лет!
Теперь не можешь щеголять
В мундире царственных улан
И должен уж носить
Мундир улан армейских.
Но должен ты покорным быть
Приказу государя
И, как командующий полком,
Вести свой полк вперед!

Он был очень религиозен и последнее время часто говорил о смерти, будучи всего 12-ти лет, он написал в своей тет-

ради:

Молю Творца,
Чтоб Он простил меня,
Прошу у всех прощения
И сам прощаю всем!
А перед тем он написал молитву:
Господь и Бог Творец!
Всего Ты мира Вседержитель,
К тебе взываю я:
Услышь мое моление!
Прошу у Тя прощенья
Грехам великим всем моим!
Пошли мне храбрость и отвагу,
Великодушие героя,
И чистоту души...
Молю тебя еще я:
Пошли мне доброту,
Прилежность, бескорыстность!
Молю тебя,
Услыши мя!

Я очень оплакивал своего брата, конечно, по-детски, и долго не мог свыкнуться с мыслью, что его нет – это было мое первое горе.

На похоронах я простудился и сильно заболел желудком, за все мое детство это была единственная моя болезнь – я проболел около месяца не то дизентерией, не то «холери-

ной». ²⁵

В конце сентября месяца мой отец получил нижеследующее письмо главного начальника военных учебных заведений о зачислении меня в пажи высочайшего двора – это меня страшно обрадовало, я ждал этого с нетерпением, так как мой брат Николай был уже зачислен в пажи год тому назад.

«Милостивый государь, Федор Степанович,

Государь император высочайше повелеть соизволил: сына Вашего превосходительства Владимира зачислить в пажи к высочайшему двору, со внесением в список общих кандидатов Пажеского его императорского величества корпуса.

О таком высочайшем соизволении уведомляя Вас, в дополнение к письму моему от 18-го минувшего августа за № 10621, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем к Вашему превосходительству почтении и преданности.

Н. Исаков»

Это назначение давало мне право носить пажеский мундир, но только без погон. Мне сшили пальто пажеское и купили кепи, к моей большой радости; мундира мне не сшили, он был с галунами и стоил чересчур дорого.

Пажеский корпус был в то время привилегированным военно-учебным заведением. Право на поступление в корпус имели сыновья и внуки генерал-лейтенантов или тайных со-

---

²⁵ ...«холерина». – Название острого желудочно-кишечное расстройство, по внешним проявлениям сходного с холерой.

ветников, но тем не менее о каждом определяемом в пажи к высочайшему двору испрашивалось соизволение у государя. Зачисленный в пажи имел право по вступлении в известный возраст держать экзамен в соответствующий возрасту класс. Выдержав испытания, он определялся в корпус интерном на полное содержание или же, если все вакансии были заняты, экстерном на собственный счет.

Кроме учебных занятий пажи несли и придворную службу, но последняя отнимала у них очень мало времени и доставалась не всем.

С этих пор я начал уже понемногу учиться. Каждое лето мы всегда ездили на дачу – в 1873 г. жили по Балтийской железной дороге, в Калитино на даче Монкевича, в 1874 г. близ станции Сиверской по Варшавской железной дороге в Дружноселье,²⁶ это все были очень хорошие места, вдали от города, в настоящей деревне.

Лето, проведенное в Дружноселье – это было имение князя Витгенштейна, – было несколько омрачено. У моего старшего брата была чудная верховая лошадь «Князек». Мы все ею восхищались, это была красавица в полном смысле слова, в ней чувствовалось какое-то благородство. Мы, дети, входили к ней без опасения, она была удивительно ласкова, мы все привязались к ней и, бывало, как только встанем, сейчас же бежим к ней. В конце лета она заболела, вызван был

---

²⁶ ... Дружноселье – имение генерал-фельдмаршала князя П. Х. Витгенштейна в Гатчинском уезде С-Петербургской губернии.

ветеринар, но, несмотря на все принятые меры, она пала на наших глазах. Мы ужасно все плакали, и это нам испортило остаток лета.

Вот как я описал в то время наше пребывание в Дружноселье: «Я провел это лето очень приятно. Мы жили в Дружноселье, это имение принадлежит князю Витгенштейну; оно находится в четырех верстах от Сиверской станции. Дом, где мы жили, был небольшой, но зато был окружен большим парком. Возле нашего дома был арсенал, в котором хранились вещи фельдмаршала князя Витгенштейна. Я с братом каждый день ходил на экскурсию, вернувшись домой, мы укладывали наших жуков и бабочек. После этого мы ходили на ферму пить парное молоко, при нас доили, и мы пили молоко всегда от одной коровы, которую звали Танька. После завтрака я учился у моей старшей сестры. Перед обедом мы купались; я очень любил купаться; мы купались в большом пруду. После купанья обедали; после обеда ходили все вместе гулять в лес или в деревню, или в поля, или по дороге. Раз мы пошли после завтрака на экскурсию – это было 11-го июля, в день именин сестры, – вдруг заблудились и не могли найти дорогу, наконец мы очутились в деревне Лампово, которое от Дружноселья в трех верстах.

Там мы встретили знакомого нам извозчика и попросили его отвезти нас, детей; мы вернулись в пятом часу. Мама уже начала беспокоиться, потому что мы вышли в час. Мы ездили в церковь в Рождественно; в этой церкви была свадьба мо-

их добрых родителей. Мы два раза ездили кататься в Белогорье и Орлино, которое принадлежит графу Строганову.²⁷

Вообще мы летом много гуляли и играли, но зато не забывали и учиться. Из деревни мы вернулись 3-го сентября; лето так скоро прошло, что мы не заметили, как пришла пора переезжать в город».

По переезде в город меня с братом Николаем отдали в пансион к Гумберту – помещался он на 5-й линии на Васильевском острове. Это было для нас большим событием. Нас приняли без экзаменов, меня в приготовительный класс, брата в первый. Директор Гумберт был очень милый и симпатичный человек, очень хорошо, ласково относился к детям. Мы ежедневно с денщиком отца отправлялись пешком через Николаевский мост в наш пансион к 9-ти часам утра. Первое время мы брали с собой холодную закуску вместо завтрака, но спустя полгода мой отец сговорился с директором и, условившись за известную плату, мы стали получать горячий завтрак в пансионе вместе с жившими у Гумберта учениками. Завтракало нас мальчиков тридцать, это было очень удобно, я должен сказать, что завтраки были очень хорошие и вкусные, и стоило это крайне дешево. Вообще директор сам во все входил и, вспоминая сейчас этот пансион, я не могу не удостовериться, что он был образцово поставлен и два учебных года, проведенных мною в нем, принесли мне

---

²⁷ ...Орлино – имение С. И. Васильчиковой в Гатчинском уезде С-Петербургской губернии, жены графа Н. С. Строганова.

много пользы.

25-го марта, в день Благовещения, Конногвардейский полк праздновал свой полковой праздник, в манеже был парад в присутствии государя. Там была устроена большая ложа, куда моя мать получила приглашение и взяла всех нас с собой. Праздник этот на меня произвел очень большое впечатление. Я впервые увидел государя, его величественную фигуру, восторг охватил меня. В манеже говорили, что у наследника родилась дочь Ксения.²⁸ Государь объявил об этой радости полку.

В следующие годы мы с братом бывали всегда на этом красивом празднике уже пажами и стояли мы тогда в самом манеже при входе.

Лето 1875 г. мы провели в Силломягах на берегу Финского залива в чудной местности.

В первый раз мне пришлось увидеть море и даже купаться в нем, произвело оно на меня огромное впечатление, я любил бродить по берегу, лежать на песке, на камнях и следить за прибоем. Пока мы жили, было несколько бурных дней – это была такая красота, и как-то жутко и страшно было смотреть на огромные валы, налетавшие друг на друга и разбиравшиеся о камни.

Мой брат, уезжая, написал следующее стихотворение:

---

²⁸ ...родилась дочь Ксения... – великая княжна Ксения Александровна (1875–1960), дочь Александра III, с 1894 – великая княгиня, супруга в. кн. Александра Михайловича (Сандро).

Море

Хотел бы я узнать, о море,
О чем ты воешь и ревешь,
Свое или чужое горе,
Шумя, людям передаешь?
Хотел бы я твою кручину,
Лазурно море, отгадать,
Твою ужасную пучину
Своим бы взглядом пробежать.
Зачем ты иногда так тихо
Покоишься в своих берегах,
А иногда вдруг так свирепо
Играешь в бешеных волнах?
И гривы пенистые волны
Свои вздымают и летят,
Тревоги вечной они полны,
Перед собой, шумя, трубят.
О чем шумите, слуги моря?
Чем вы довольны и горды?
Не тем ли, что вы чужды горя
И своеволия полны?
О беззаветная стихия!
Неколебима ты ничем,
Так почему ж волны златыя
Твои поют? Скажи, зачем?
Не оттого ль ты, море, плачешь,
Что видишь силу ты людей?
Не от того ль, что ты предвидишь

Конец победности своей.
Твои уж воды рассекают
Своею грудью корабли,
А по волнам твоим сверкают
Как стража маяков огни.
Вокруг тебя, назло свободе,
Воздвиглись стены городов,
Твои леса, назло природе,
Под шум погибли топоров.
И ты одно осталось, море,
Неволи только чужа горе.
Не бойся, море! Человек
Не победит тебя вовек!

Силломяги 1875 г.

У нас был очень хороший гувернер, немец, г-н Штир, с которым мы и провели все лето, чтобы выучиться говорить по-немецки. Он к нам относился очень хорошо, придумывал нам всевозможные самые разнообразные занятия, между прочим, выучил нас делать воздушные шары из папиросной бумаги и пускать их, зажигая вату, смоченную бензином и прикрепленную снизу на проволоке у отверстия шара. Мы так наловчились склеивать такие шары, что к концу лета склеили шар размером в высоту до 3—4 аршин. Он долго-долго летал и поднялся на очень большую высоту, так что мы едва могли за ним следить.

В начале 1876 г. нас взяли из пансиона, так как весной мы должны были держать экзамен в Пажеский корпус и, следо-

вательно, подготовиться как следует по известной программе. Я стал готовиться к поступлению в 3-й класс, мой брат в 4-й.

Моя старшая сестра начала меня готовить, к брату ходила учителя, некоторые занимались и со мной, но главное наблюдение за моими занятиями лежало на моей сестре. Я довольно туго подвигался в занятиях и порядком изводил мою сестру, которая, несмотря на свой добрый нрав, сердилась на меня и приходила в отчаяние.

Но вот наступил, наконец, страшный день экзаменов. Это было в мае 1876 года. Мой отец сам повез нас в Пажеский корпус, меня и брата Николая. Помню, с какой робостью входил я в большой белый зал корпуса, который решеткой был разделен пополам. В одной половине, где экзаменовали, стояли черные доски, висели разные таблицы, за столами сидели профессора и учителя. В другой половине было пусто, только по стенам стояли длинные диваны без спинок, обитые красным сукном. Зал мне показался огромным, он был в два света. На одной из стен за металлической, художественной работы решеткой висело три портрета во весь рост в натуральную величину в чудных рамах – Александра I, Николая I и Александра II. Между ними вделаны были доски из серого мрамора, на которых выгравировано было золотыми буквами, когда эти императоры первый раз осчастливили своим посещением корпус.

По всем другим стенам были вделаны мраморные доски

с именами и фамилиями пажей, окончивших курс первыми учениками.

В первый же день меня проэкзаменовали по закону божьему. Экзаменовал протоиерей Селенин, настоятель церкви Пажеского корпуса. Экзаменовал он строго, но смотрел довольно ласково, и потому отвечать было не особенно страшно, я выдержал. В течение нескольких дней нас привозили в корпус, ежедневно бывало по одному, по два или по три экзамена.

Мой брат выдержал все экзамены хорошо, кроме географии, я же, к моему и моих родителей огорчению, провалился из русского языка и естественной истории. Нам разрешили переэкзаменовки, и поэтому пришлось все лето готовиться, чтобы осенью вновь держать экзамены по этим предметам. Лето мы провели на даче в Карамышеве близ Луги, место было очень красивое на берегу Черменецкого озера, откуда открывался чудный вид на Черменецкий монастырь.²⁹ Мой брат запечатлел это лето в следующем стихотворении.

Черменецкий монастырь
Я вспомнил монастырь святой,
На бреге озера лежащий,
Один среди пустыни той;
И колокол его звучащий,
Зовущий путника во тьме,

---

²⁹ ...Черменецкий монастырь. – Черменецкий Иоанно-Богословский монастырь в Лужском у. С.-Пб губ.

И крест, который на холме,
Над преждевременной могилой
Стоит на берегу уныло.
Звонят к вечерне, и далёко
Печальный благовест звучит,
И как-то грустно, одиноко
В окрестность гул его летит.
Златое солнце понемногу
Уж начинает исчезать,
И лес на пыльную дорогу
Тень перестал давно бросать.
Над монастырскою громадой
Станица голубей летит,
А там за белою оградой
Псалмов уныло песнь звучит.
Но вот среди небесных туч,
С последней песнею псалма,
Тот монастырь объяла тьма.

с. Карамышево 1876 г.

С нами был наш старый гувернер Штир.

В первой половине августа пришлось вернуться в город, так как в середине августа означены были в корпусе переэкзаменовки. Я очень волновался, хотя чувствовал себя хорошо подготовленным. К счастью, все обошлось хорошо, мы оба выдержали экзамены и 20-го августа поступили в корпус. Мой брат сразу поступил интерном на полное казенное содержание, меня же приняли экстерном, за неимением ва-

кансий, и потому я остался жить дома и стал ездить каждый день на уроки в корпус. Мой отец усиленно хлопотал, чтобы меня определили интерном и разрешили жить в корпусе. Это ему удалось, и через неделю я, хотя и продолжал быть экстерном, уже считался на правах интерна, т. е. стал жить в корпусе и ездить домой только по субботам.

3-й класс, в который я поступил, был в то время самым младшим. Всех классов было: общих 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й и два специальных – младший и старший. Делились все пажи на три возраста: младший – пажи 3-го, 4-го и 1-го отделения 5-го класса; средний – пажи 2-го отделения 5-го класса, 6-го и 7-го и старший – два специальных класса. Таким образом, мой брат Николай был в одном возрасте со мной, так что мы с ним виделись постоянно, что доставляло мне отраду.

Младший возраст помещался во втором этаже, рядом с приемной, средний – по другому фасу³⁰ в длинной галерее, а старший – внизу. Помещения крайне просторные, так что тесноты не было, но в специальных классах было довольно тесно, так как там не было большой залы. Дортуар младшего возраста был на самом верху – представлял собой громадный зал, из него был ход в цейхгауз мимо карцеров. Карцеры представляли собой ряд небольших комнатушек пять на три аршина по обе стороны небольшого коридорчика. Освещение как коридорчика, так и карцеров было сверху. Двери,

---

³⁰ ...по другому фасу... – фасад другого крыла здания Пажеского корпуса, выходящего также на ул. Садовую.

ведшие в карцер, были со стеклами. Внутри стояла скамейка, которая служила и постелью со скатом для головы, затем был еще небольшой стол. Арестованным давали подушку и одеяло и разрешали брать с собой шинель и учебные книги. Обед давали полностью, но без пирожного.

Класс, в который я поступил, был первым при входе в зал из приемной, очень светлый, парты были солидные, на каждой сидело по два пажа. Я попал во второй ряд и сидел рядом с очень прилежным и примерным мальчиком Степановым. Он недолго оставался в корпусе и перешел в Морское училище. С другой стороны через проход сидел барон Меллер-Закомельский, впоследствии он был видным земским деятелем по С.-Петербургской губернии. За мной сидели два брата Патона, с которыми я был очень дружен, один из них вышел вместе со мной в Преображенский полк, другой впоследствии был управляющим Варшавской конторой государственного банка, впереди меня – Шнитников и Рыжов, первого из них я потерял из виду, Рыжов же вышел из корпуса в л. – гв. Драгунский полк, затем перешел в Генеральный Штаб.

Всех учеников в моем классе было 25, я очень скоро со всеми подружился и чувствовал себя среди своих товарищей очень хорошо. Каждый класс имел своего отделенного воспитателя, все они были военные. У меня воспитателем был подполковник Н. Н. Скалон, у моего брата – подполковник О. Г. Гресбек и в 1-ом отделении 5-го класса – ротмистр С.

Н. Лавров. Эти отделенные воспитатели помимо того, что имели надзор за пажами своего класса, дежурили по очереди, дежурство их было суточное, сменялись они в 12 часов дня. При дортуаре была отдельная комната для дежурного воспитателя. Кроме того дежурили дядьки, по ночам их было две смены, они должны были бодрствовать и следить за порядком в дортуаре. Заступая на дежурство, они получали особые контролирующие часы, на которых должны были делать отметки каждые четверть часа в доказательство своего бодрствования.

Над воспитателями стояли инспектор с помощником, и затем высшим начальником являлся директор. Инспектором классов был полковник П. А. Алексеев, помощником его – полковник И. Д. Смирнов, а директором – генерал-лейтенант П. И. Мезенцов.

Главным начальником военно-учебных заведений был генерал-адъютант Н. В. Исаков, помощником его генерал-майор Н. В. Корсаков, военным министром был генерал-адъютант Д. А. Милютин,³¹ будущий граф и фельдмаршал.

Вот и все наше начальство.

Военный министр Милютин часто приезжал в корпус, сидел на уроках, сам задавал вопросы и всегда относился к нам ласково и снисходительно, многих знал по фамилиям. Мы никогда не стеснялись его приходом в класс и всегда радо-

---

³¹ ...Д. А. Милютин... – Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф, генерал-фельдмаршал (1898), в 1861–1881 гг. военный министр.

вались его приезду.

Генерал Исаков также довольно часто навещал Пажеский корпус, но его посещения наводили на нас всегда какой-то страх. Он был огромного роста с весьма суровым взглядом, когда он говорил, казалось, что он всегда чем-то недоволен, и потому его посещения нам не доставляли радости. Его помощник генерал Корсаков хотя и очень часто посещал корпус, но мы его никогда не видели, только когда он случайно проходил через столовую, когда мы сидели за обедом или завтраком, чтобы пройти в директорскую комнату. В классах он при мне ни разу не был. Но о нем среди пажей хранилась добрая память как о прекрасной личности и как о директоре корпуса в шестидесятые годы.

Директор Мезенцов был просвещенный педагог, он отлично поставил 2-ю Московскую военную гимназию, директором которой был и которая считалась в то время лучшей, но когда я поступил в корпус, Мезенцов уже был совсем больным, его здоровье было расстроено, и мы его редко видели; вскоре по моем поступлении он пришел к нам, собрал всех вновь поступивших пажей и сказал нам очень простую, но хорошую речь, которая на нас, детей, произвела сильное впечатление. Но, благодаря своему нездоровью, он иногда месяцами не показывался в корпусе и, обходя, часто спрашивал фамилии пажей. Инспектор классов Алексеев не внушал нам доверия, это был очень недурной человек, доброжелательный, но какой-то суетливый, мы его почему-то звали

«сыроежкой». Правда, у него лицо было похоже на гриб.

Его помощник Смирнов был очень не представителен и некрасив, но в нем чувствовалась доброжелательность, и мы его очень любили и всегда рады были, когда Алексеев уезжал и он оставался за него.

Воспитатель мой – Скалон – был выдающейся личностью, он всегда старался помочь; при всей своей строгости и педантичности, он был очень сердечен и старался не выводить наружу проступки пажей. Мы его очень любили.

Другие два воспитателя нашего возраста: Гресбек – был неприятен, придирчив, мы не любили его дежурство и были настроены против него, так как он не был русским. Лавров – был задушевный и очень добрый человек, но как воспитатель был слаб, недостаточно строг и чересчур уж снисходителен. Мы его очень любили и старались не подводить.

Время в корпусе проводили мы следующим образом: в 6 часов утра нас будили – раздавался бой барабана, или звук горна, или трубы – в зависимости от того, кто дежурил, а так как при корпусе было пять барабанщиков, три горниста и один трубач, то чаще всего будили барабаном. При этом барабанщик с боем обходил всю спальню мимо всех коек. Первое время с непривычки мы вскакивали в испуге, это страшно действовало на нервы, но потом мы быстро привыкли, и некоторые спокойно продолжали спать. Самым приятным для нас было, когда дежурил кавалерийский трубач, звуки трубы звучали благородно и красиво.

На умыванье и одеванье давалось полчаса. Дежурный воспитатель следил, чтобы каждый из нас вымыл хорошенько и шею, и руки и вычистил зубы. В 6.30 по команде мы строились и давался сигнал «на молитву». Один из пажей, по назначению дежурного воспитателя, произносил утренние молитвы, после чего давался «отбой», и мы строем шли в столовую, помещавшуюся внизу в большом зале с колоннами. Занимали места по десять человек за стол, садились по команде воспитателя. Нам давали каждому по большой французской булке или большому калачу и чаю в кружках сколько угодно. Затем стали в последующие годы давать еще стакан молока.

Четверть восьмого мы строем входили в рекреационный зал и расходились по классам. Нам давалось полчаса на повторение уроков. В половине восьмого являлся доктор с фельдшером, и все страдавшие чем-нибудь являлись к нему на осмотр. Зубного врача при корпусе не было, но всех страдавших зубами отправляли при записке, по окончании занятий, к зубному врачу Клапроту, жившему против Исаакиевского собора. На записке Клапрот отмечал, когда паж от него ушел. Мы пользовались этим и устраивали себе таким образом отпуска. Клапрот бывал очень мил всегда и с удовольствием делал надпись, что такой-то ушел от него в 6–7 часов вечера, таким образом можно было пробыть дома часа два, а то и три.

Затем была перемена, а без пяти 8 мы должны были быть

уже в классе в ожидании прихода учителя. Уроки начинались в 8 часов. Иногда по утрам, главным образом весной, между утренним чаем и уроками ходили гулять строем на улицу, обходили Гостиный двор кругом – это доставляло нам большое удовольствие: мы выскакивали потихоньку из рядов, незаметно для воспитателя, и покупали у торговцев на лотках пряники и разные сладости, у кого были деньги.

До 11-ти часов бывало три урока с переменами между ними по 10 минут. Все делалось по сигналам дежурного барабанщика, горниста или трубача. В 11 часов шли на прогулку в сад или на плац. На плацу, который был довольно обширный, зимой устраивался каток, а в саду горы.

Пальто не разрешалось надевать никому,³² какой бы мороз ни был, без записки доктора. Но зимой было обязательно надевать высокие яловые сапоги и теплые носки.

После прогулки был завтрак из одного мясного блюда с гарниром, причем опять давали французскую булку, помимо черного хлеба, и кружку чая, по субботам – кружку кофе с молоком.

Молитва перед завтраком и обедом и после – опять по сигналу.

В 12 часов начинались опять уроки, два урока до двух часов. Время от двух до четырех часов дня уходило на гимнастику, танцы, строевые занятия, пение, фехтование.

---

³² ...Пальто не разрешалось надевать никому... – имеется в виду форменная шинель кадетского образца.

На гимнастику и строевые занятия обращено было большое внимание. Я очень любил гимнастику и с каждым годом совершенствовался, в шестом классе находился уже в группе лучших гимнастов, в одном только я отстал – в прыгании в высоту, я прыгал высоко, но не мог побить рекорд.

Строевым занятиям нас обучали камер-пажи и пажи старшего специального класса, среди них были очень строгие, придирчивые, которых мы очень не любили, они были гораздо строже и требовательнее наших офицеров-воспитателей.

Танцам нас обучал балетмейстер Стуколкин (в балете одной из его коронных ролей была роль Дон-Кихота), который прежде всего обращал внимание на наши манеры и учил нас кланяться. Так как пажам приходилось нести придворную службу, то это было, конечно, необходимо. Стуколкин очень комично передразнивал нас, когда кто-нибудь неуклюже отвешивал поклон или делал какие-нибудь не соответствующие па. Из танцев нас обучали кадрили, вальсу, польке, мазурке, гросфатеру.

Учителем пения был сначала Кременецкий, а потом профессор Рубец, от меня после ряда неудачных проб они скоро отказывались, когда убеждались, что я не могу взять ни одной верной ноты. Все уроки пения я просидел на скамье безголосых. Убедившись, что из меня ничего не выйдет, мне разрешили не ходить в класс пения, что меня крайне обрадовало.

Фехтованию в младшем возрасте не учили, обучение на-

чиналось со среднего возраста.

В четыре часа дня занятия прекращались, экстерны отпускаясь домой, а мы, живущие в корпусе, отправлялись обедать, вернее, сказать, нас выстраивали и вели в столовую. Опять по сигналу читали молитву, затем садились за столы. Обед всегда состоял из трех блюд: суп с пирожками, а если бывал борщ или щи, то с кашей, жаркое и пирожное – большей частью сладкие пирожки. Из напитков квас и вода.

По субботам занятия кончались в два часа дня, так как в этот день после уроков для интернов бывала баня. Баня в корпусе была очень хорошая, удивительно было чисто и опрятно.

После обеда бывала прогулка до шести часов вечера в саду или на плацу. С шести часов и до восьми бывали вечерние занятия – приготовление уроков к следующему дню. Мы обязаны были сидеть в классах, наш воспитатель сидел тут же и следил, чтобы уроки были приготовлены. В восемь часов раздавалась команда построиться, и нас вели в столовую пить чай – опять французская булка или калач, чаю сколько угодно. В 8.45 мы возвращались обратно прямо в дортуй и, после прочтения вечерних молитв, обязаны были идти мыться и ложиться спать. В 9.30 мы, младший возраст, должны были уже лежать в постелях. Газ (у нас везде было тогда газовое освещение) убавлялся, наступал полумрак.

Кровати у нас были железные с волосяными матрацами, две подушки, две простыни и одеяло. Около кровати в ногах

табуретка, на которую мы должны были аккуратно сложить белье и одежду. Над изголовьем на металлической палке с крючком для полотенца прикреплена была зеленая дощечка с написанной на ней золотом фамилией пажа. У камер-пажей на красных дощечках фамилии были написаны серебряными буквами, а у старших камер-пажей – золотыми. У фельдфебеля была золотая дощечка с фамилией, написанной красными буквами. Над дощечкой прикреплен был номер. Номер этот давался каждому пажу при поступлении в корпус, у меня был № 53. За этим номером выдавалась вся одежда и все белье, как носильное, так и постельное, так что белье от одного пажа к другому переходить не могло, каждому шилось новое и оставалось в его исключительном пользовании, белье было полностью, до носовых платков включительно. За этим же номером у каждого пажа имелась конторка – наверху был выдвигавшийся ящик, в котором мы хранили свои вещи, внизу шкафчик, где у нас лежало расхожее пальто, личные сапоги, фуражка, гимнастический костюм и т. п. Ко всему этому были ключи, тоже с номером на бляшке. Книги и учебные пособия (все это было казенное до самых мелочей) хранилось в партах тоже под ключом.

Отпускная одежда хранилась в цейхгаузе, там на каждого пажа был также особый шкафчик под стеклом, где висели мундиры и прочие принадлежности.

Придворные мундиры висели в особом шкафу.

Цейхгаузом заведовал вахтер Ефимов, солидных разме-

ров, мы его звали «кабаном».

Платье и сапоги чистили особые дядьки, на 15 пажей полагался один дядька.

У меня был, как я помню, очень хороший дядька Павсель, он был очень услужливый и заботился обо мне страшно, дядьку можно было посылать, чтобы купить что-нибудь дозволенное, больше всего мы посылали их покупать сладкие пирожки. Они были тогда очень дешевы – в лучшей кондитерской Ballet³³ на Невском проспекте они стоили по пять копеек и были удивительно разнообразны и вкусны. Дядькам мы платили ежемесячно рубль или два, это был единственный наш расход в корпусе.

Из первых своих учителей я помню, прежде всего, нашего духовника протоиерея Селенина, он же был и законоучителем. Он был очень строгий, скупой на баллы, но очень любимый и уважаемый пажами. Он был наделен всеми качествами духовного наставника. Затем я помню Орлова по русскому языку и Илляшевича, последний особенно любил диктовать и при этом старался не помогать, а сбивать учеников. За это мы очень не любили его уроков, и баллы он ставил очень строго, наивысший бал в младших классах был 8. Но надо отдать ему справедливость – благодаря его диктовкам, мы все очень быстро выучивались грамотно писать. По математике был Юдин, очень болезненный, желчный, но он хотя и сер-

---

³³ ...кондитерской Ballet... – кондитерский магазин Балле (Невский проспект, д. 54).

дился, но выручал своих учеников. Немецкий язык преподавал сначала Шуман, а затем Шмидт. Над немцами всегда издевались, было принято их изводить. Шуман был добрейший человек, но и его выводили из себя. Помню, как-то раз он стал на доске писать какие-то правила, один из пажей крикнул: «Немец обезьяну выдумал!» Шуман бросил мел, вышел из себя и, грозно обратившись к нам и сказав: «Те кто был моими друзьями, теперь враги... Alles между нами ist конечно», – вылетел из класса. Мы очень были сконфужены, нам стало жалко его, и мы пошли депутацией его просить вернуться обратно и извинить нас. Другой учитель herr Schmidt был очень комичен и похож был на факельщика – мы его так и прозвали, он был неприятен, так как всегда «за малейшее» ходил жаловаться инспектору. Этого ему простить не могли и сочинили про него песню:

Прощай немецкий наш учитель,
Фискал и факельщик плешивый,
Грамматик жалких сочинитель,
Ты, одним словом, пес паршивый!

Французский язык преподавал ms. Flint, его очень любили и никогда ему неприятностей не делали. Естественную историю преподавал А. Б. Ганике, воспитатель принца Петра Александровича Ольденбургского. Был он интересным преподавателем, но к некоторым воспитанникам был строг, и про него сочинили глупое двустишие: «Ганике поганике, по-

терял свои подштанники».

Географию преподавал подполковник М. М. Литвинов, который после Скалона был моим воспитателем. Это был человек крайне вспыльчивый, который не помнил себя, когда сердился. Я буду о нем говорить впереди.

Учителем рисования был А. Д. Лосев, он был очень маленького роста, на коротеньких ногах, держал себя без всякого достоинства, его поэтому третировали страшно, пользуясь еще его добротой; он никогда не жаловался, даже когда его звали в лицо «Андрюшкой», но его любили, и более солидные пажи старались останавливать необузданных, когда они с ним перебарщивали. Но и про него ходили стихи:

Прощай, Андрюшка, наш учитель
В твоём предлинном сюртуке,
И рисовал ты как сапожник,
И был всегда ты дураком!

Историю сначала преподавал мне Григорович, он был серьёзный учитель, не допускавший никаких шуточек и не делавший поблажек, мы его боялись. Затем был Менжинский, человек весьма педантичный и аккуратный. Рассказывая историю, он отчеканивал, если можно так выразиться, каждое событие. Не мог видеть, когда кто-нибудь развлекался перочинным ножом, и отбирал его у провинившегося, так ножик и пропадал. Сын его в настоящее время, когда я пишу эти

строки, стоит во главе ГПУ.³⁴

Среди наказаний в маленьких классах преобладала постановка не в угол, а где-нибудь посреди комнаты на час или на два, следующее наказание было, когда запирали в классе в свободное от уроков время, лишали отпуска, сбавляли балл за поведение и, наконец, сажали в карцер без перерыва в занятиях (из карцера приводили в классы) и даже без права выхода на уроки. Срок такого ареста был наибольший 5 суток.

Два раза в неделю, по вторникам и четвергам, папам разрешались свидания с родителями и родственниками. Свидания происходили в приемной комнате, приносить разрешалось конфеты, сладкие пирожки, фрукты, ничего съедобного. Так как не все пажи имели свидания с родными, то всем приносимым приходилось делиться со всем классом. Меня и моего брата аккуратно каждый приемный день навещали или мои родители, или старший брат и сестры. Мы ждали всегда с нетерпением приемные часы.

По субботам у нас занятия кончались в два часа дня, и мы с братом отправлялись домой. Дома нас всегда ждал завтрак, моим любимым блюдом были домашние битки с картофелем. Кухарка наша Шарлотта как-то особенно вкусно их готовила, и я один съедал в один присест до 10 битков. По вечерам в субботу и по воскресеньям утром ходили в церковь

---

³⁴ ...во главе ГПУ – Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934), возглавил ОГПУ после смерти Ф. Э. Дзержинского в 1926 г.

Благовещения, которая была напротив. Мой отец всегда стоял на клиросе с правой стороны около певчих, мы же с братом почти всегда в алтаре. Служба в церкви Конной гвардии на меня всегда производила сильное впечатление.

В декабре месяце в корпусе разыгрался страшный скандал, что-то похожее на бунт. Мы, маленькие пажи, не участвовали в нем, были только немymi свидетелями, все это произвели пажи и камер-пажи старшего возраста, средний возраст принял участие только отчасти.

Обыкновенно каждый год государь, по крайней мере один раз, посещал Пажеский корпус. Приезд государя для всех бывал неожиданным, государь никогда никого не предупреждал, выезжал из дворца как бы на прогулку, совсем один, и уже потом приказывал кучеру ехать в корпус. Но так как всегда знали, что в течение зимы государь обязательно приедет, то его ждали ежедневно между часом и четырьмя – обычное время его прогулок. И в эти часы директор никуда не отлучался из корпуса.

И в 1876 г. с ноября месяца стали поджидать государя. Я лично помню, с каким нетерпением и волнением я ждал приезд государя. В нашем детском воображении государь представлялся нам сказочным, мы никак не представляли себе, как это вдруг государь появится среди нас, пройдет мимо нас в двух шагах, а может быть, и обратится к кому-нибудь из нас с каким-нибудь вопросом. Нас учили, как мы должны отвечать, учили стройно отвечать на приветствие государя.

Но вот ноябрь месяц прошел, наступил декабрь, а государь все не едет. И вдруг в тот самый день, когда никто как-то не ждал, пронесся слух – государь приехал. Какое волнение охватило нас! Государь прямо прошел в старший возраст, это было около двух часов. Мы, маленькие, сидели в классе за каким-то уроком, когда дверь отворилась и служитель, просунув голову, быстро произнес только одно слово: «государь».

Мы не могли сидеть на месте от волнения, учитель не менее нас заволновался, но старался казаться спокойным. В два часа, как обычно, раздался звук барабана. Урок кончился, мы вышли в залу. Там уже царила суета, все воспитатели были на лицо, нас построили, каждый класс отдельно в две шеренги, и мы стали ожидать нашего государя с чувством невольного страха и благоговения, наши детские сердца, казалось, выпрыгнут.

Послышались шаги со стороны приемной, двери растворились, и мы увидели царственную фигуру нашего обожаемого государя. Рядом с ним шел директор наш Мезенцов, инспектор и не помню еще кто. Александр II был в конногвардейском сюртуке с белой фуражкой в руке.

Раздалась команда нашего воспитателя: «Смирно! Глаза направо!» Мы впились глазами в подходившего императора. Он казался нам необыкновенно высокого роста, стройный, величественный, подойдя к нам, он остановился и, немного грассируя, поздоровался. Несколько десятков детских голо-

сов грянули стройно: «Здравия желаем вашему императорскому величеству».

Государь тихо стал обходить нас, внимательно вглядывался в наши лица. Мы провожали его глазами, один из моих товарищей Л. (у него был необыкновенно длинный нос) как повернул по команде голову направо, так и остался. Государь дошел до него, а он все смотрел направо. Государь заметил это, взял его за нос двумя пальцами и повернул его голову: «Смотри всегда царю прямо в глаза», – сказал он, и пошел далее мимо нас. До чего его бедного потом изводили этим.

Затем государь смотрел гимнастику и строевое учение, около четырех часов уехал. Все мы, и большие, и маленькие, бросились его провожать. Которые похрабрее, цеплялись за сани (государь был в одиночных санях), становились на полозья, бежали рядом с санями почти до Невского проспекта. Восторгу не было границ.

Когда все успокоилось и все вернулись, то сразу побежали в дортуары одеваться, чтобы идти в отпуск. Государь Александр II всегда отпускал всех пажей до вечера с тем, чтобы уроков не готовить на следующий день. Каково же было у всех нас удивление и разочарование, когда нам объявили, что отпуска нет, что государь ничего не сказал. Мы, маленькие, вернулись разочарованные в свои классы, не хотелось ни обедать, ни идти на прогулку. В старших же классах недовольство приняло громадные размеры. Стали требовать директора, обвиняя его, что это была его обязанность спросить

государя насчет отпуска, что государь мог забыть об этом. Директор не явился, тогда произошло нечто невозможное: стали ломать табуретки и швырять их в окна, и как-то стихийно в помещениях специальных классов были выбиты все стекла, некоторые даже с рамами, офицеры попрятались, а одному из них, любимому всеми Саксу, упавшей из окна табуреткой расколо, к счастью неопасно, голову. Это как бы отрезвило пажей, бесчинство остановилось. Прошло два дня, в корпусе царило полное уныние, старшие классы осознали свое безумное поведение и тоже присмирели в ожидании заслуженной кары. Директор тоже, очевидно, осознал свою вину – конечно, ведь исключительно от его малодушия все это произошло. Спроси он у государя: «Прикажете отпустить пажей до вечера?» – государь, очевидно, повелел бы отпустить.

Как сейчас помню я – это было 19 декабря. Был приемный день, у меня сидели моя мать и сестра, пришедшие меня навестить. Отворилась дверь приемной, вошел высокого роста, статный флигель-адъютант в мундире и орденах. Оказалось, это был дежурный флигель-адъютант граф Милорадович, посланный государем с повелением отпустить всех пажей в отпуск сразу на Рождественские каникулы, таким образом, нам прибавили к каникулам пять дней. Мы были в восторге, сейчас же побежали одеваться, и мы с братом вместе с нашей матушкой поехали домой.

Старшие классы тоже были отпущены с тем, что их дело

разберется и они понесут должное наказание после праздников.

И действительно, когда мы вернулись в корпус после Крещения, увидели, что запасной лазарет был превращен в место для наказаний – был устроен ряд карцеров, некоторые были темные. Все виновные были разделены на разряды. Наиболее виновные получили по месяцу ареста, никого из корпуса не исключили, таким образом никого не погубили. Когда мы сидели за завтраком или обедом в столовой, то всегда мимо нас проходили часовые – пажи младшего специального класса во всей амуниции с туго набитыми ранцами на смену своих товарищей, стоявших на постах перед карцерами. Их водил фельдфебель тоже в полной амуниции. Фельдфебелем был Родзянко – будущий председатель Думы, сыгравший печальную роль в 1917 г.³⁵

До самой Пасхи камер-пажи и пажи старших классов отбывали наказание.

В феврале 1877 г. в Петербург приехал эмир Бухарский и привез своего сына³⁶ для поступления в пажеский корпус. Это стало известно у нас, а также и то, что маленький принц

---

³⁵ ...сыгравший печальную роль в 1917 г. – М. В. Родзянко как председатель IV Государственной думы возглавил в начале Февральской революции 1917 Временный комитет Государственной думы, ставший основой для формирования Временного правительства.

³⁶ ...своего сына... – Сейид Мир-Мансур (1863–1918), девятый сын эмира Бухарского Мир-Музаффара, в 1876–1886 гг. воспитанник Пажеского корпуса; в 1886–1895 гг. на офицерских должностях в 2-м драгунском Сумском полку.

будет определен в 3-й класс, т. е. в тот самый класс, в котором я учился. В назначенный день эмир Бухарский со своим сыном приехал в корпус. Перед тем нас учили, как нужно отвечать эмиру, и мы по несколько раз в день на приветствие нашего воспитателя Скалона отвечали как бы эмиру: «Здравия желаем, ваше степенство». Титул скорее не принца, а купца, но тогда эмир не был не только высочеством, но и светлостью. Все эти титулы он получил впоследствии.

Нас выстроили в зале, и мы увидели высокого татарина в халате и огромной чалме, с лентой через плечо, в сопровождении мальчика, тоже в шелковом халате и чалме, и еще пяти-шести лиц свиты эмира.

Эмир с нами поздоровался. «Здравствуйте, господа!», – сказал он и обратился к нам с несколькими словами через переводчика, просил любить и оберегать его сына. Мы ответили: «Рады стараться, ваше степенство!» – и затем нас распустили, а воспитатель наш Скалон, совершенно для меня неожиданно, подозвал меня, представил эмиру и сказал ему через переводчика, что я буду ближайшим товарищем его сына. Я был сконфужен и смущен. Эмир что-то сказал, переводчик перевел, но я до того растерялся, что не понял ничего и ничего не ответил, старался улыбаться, но чувствовал, что у меня ничего не выходит, и готов был провалиться сквозь землю.

Но вот эмир отошел, а я остался с маленьким принцем Мансуром и не знал, что мне с ним делать. Скалон мне ска-

зал, чтобы я повел Мансура в класс, показал бы ему место рядом с собой, затем в дортуар и т. д.

Меня моя новая роль вовсе не порадовала, она меня связывала и возлагала на меня какую-то ответственность. Но по прошествии месяца я стал привыкать, Мансур, по-видимому, меня любил и всегда все у меня спрашивал. Он был сообразительный мальчик и очень неглупый.

В один из воскресных дней, когда я был дома, принц со всей своей свитой, предупредивши меня заранее, приехал представиться моему отцу, и все они пили у нас чай, при этом привезли мне подарки – халат и сверток чудной на вид шелковой материи. Из этой шелковой материи сделали моему старшему брату рубашки, когда он поехал на войну, но, увы! после проливного дождя, под который он попал, будучи в кителе, шелковая материя вылиняла на него, и китель из белого обратился в зеленый и каракулевые шкурки [тоже]. После этого я был приглашен к принцу на обед, но приготовлено было все до того плохо и невкусно, что я с трудом из приличия ел невзрачные блюда. Я состоял при Мансуре до его отъезда в Бухару. На следующий год он остался в 3-м классе, я был в 4-м и потому уже не состоял при нем, хотя он все же часто приходил ко мне по старой памяти.

Маленькие пажи несли придворную службу во дворце на больших выходах, их ставили у дверей по двое, никаких обязанностей при этом не было, они должны были только стоять и держать в левой руке большую каску с белым султа-

ном. Мундир придворный был весь обшит галунами спереди, штаны были суконные белые, поверх лакированных ботинок. Обыкновенно готовили из младшего возраста пять или шесть пар, подбирали пары по лицу, чтобы подходили друг к другу и чтобы не были уродами. Пажам этим запрещалось стричь волосы под гребенку, так как им делали прически. В корпусе был специальный парикмахер, который приходил причесывать и завивать, если это было нужно, пажей перед отправлением их во дворец, при этом волосы смачивались сахарной водой с духами. Прическа держалась несколько дней. Я был выбран в число этих пажей, но пришлось только один раз быть во дворце, и то выход был отменен, государь внезапно выехал из Петербурга на юг вследствие осложнений на Ближнем Востоке, потом началась война, а при Александре III этот наряд пажей к дверям был отменен.

С наступлением весны нервное напряжение, царившее в городе вследствие разных слухов о зверствах, чинимых турками над христианами, передалось в корпус, и мы, даже маленькие пажи, были очень возбуждены.

Пасха была ранняя – 27-го марта, встречали ее с тревогой. Я видел, как мой отец был озабочен, все говорили о возможной войне, уже много наших добровольцев находилось в Сербии и Болгарии.³⁷ В первых числах апреля выяснилось,

---

³⁷ ...уже много наших добровольцев находилось в Сербии и Болгарии. – Т. е. на сербско-турецкой войне (1876–1878), в которой Герцеговина, княжество Черногория и княжество Сербия боролись с Османским государством. В конфликте приняло участие в качестве добровольцев свыше 6000 российских подданных, в

что война неизбежна.

Когда мы вернулись в корпус вечером [из] Фомино в воскресенье, то на следующий же день волнение старших классов, чрезвычайно воинственно настроенных, передалось и к нам, в младший возраст, особенно когда мы узнали, что государь уехал уже на юг к границе Турции делать смотры войскам.

12-го апреля – день объявления войны – волнение наше достигло высшего предела, никто не хотел учиться, уроки сами собой как-то прекратились, нас повели в церковь, где был отслужен молебен и прочитан был манифест государя³⁸ об объявлении войны.

Я помню, с каким волнением я слушал слова манифеста. Когда нас привели обратно в зал, то крики «ура» и пение гимна не прекращались. Нас отпустили в отпуск до вечера следующего дня.

Главкомандующим войсками Дунайской армии назначен был великий князь Николай Николаевич Старший, Кавказской армией – великий князь Михаил Николаевич.

Вследствие отъезда великого князя Николая Николаевича из Петербурга на моего отца возложено было исполнение обязанностей генерала инспектора кавалерии.

Мой отец и моя мать были очень встревожены – мой стар-

т. ч. офицеров и др.

³⁸ ... манифест государя. – Манифест об объявлении войны (Турции) Оттоманской Порте.

ший брат рвался на войну, несмотря на то что гвардию еще не мобилизовали.

7-го мая получено было первое радостное известие с войны с Кавказского фронта – взят был город Ардаган. Наш воспитатель тотчас же пришел к нам в класс и прочел телеграмму, ликование было страшное, уроки прекратились, нас повели в церковь, отслужено было молебствие, и нас отпустили в отпуск, разрешив не готовить уроков к следующему дню.

14-го мая нам прочли телеграмму о том, как Дубасов³⁹ и Шестаков, тогда еще совсем молодые офицеры, взорвали турецкий монитор.⁴⁰

В это время у нас начались репетиции, занятия как-то плохо шли в голову, но я все же выдержал все репетиции и перешел в 4-й класс без переэкзаменовок.

Репетиции окончились в 20-х числах мая, нас распустили на лето. В старшем специальном классе в середине июня месяца всех произвели в офицеры.

Вскоре после возвращения домой на летние каникулы моя мать с нами, детьми, переехала на дачу в Онстопель по Балтийской железной дороге в четырех верстах от станции Веймарн. Мы прожили два года подряд на этой даче, и у меня сохранились о ней в памяти самые лучшие и дорогие воспо-

---

³⁹ ...Дубасов... – Дубасов Федор Васильевич (1845–1912), генерал-адъютант, адмирал (1906), в 1905–1906 гг. московский генерал-губернатор.

⁴⁰ ...взорвали турецкий монитор. – Имеется в виду атака шестовых минных катеров 14 мая 1877 и потопления однобашенного броненосного монитора «Сейфи».

минания. Мы с братом очень много ходили на охоту, у него было ружье, которое ему подарили, была и собака, и он довольно удачно охотился, а я его сопровождал и учился, как надо охотиться.

Когда начался сенокос и уборка хлеба, мы с братом с раннего утра и до самого вечера принимали участие во всех сельских работах с крестьянами деревни Онстопель. У нас было много друзей среди крестьянских парней и девушек, и мы с ними проводили целые дни на работах. Я научился тогда грести сено, собирать в кучи, делать стога, жать рожь, связывать в снопы, укладывать на телеги и т. д. Меня все это очень занимало и доставляло большое удовольствие.

Конечно, среди всех этих удовольствий, мы с нетерпением каждый день ожидали газет с известиями с войны, а по субботам, когда приезжал к нам на дачу наш отец, мы отправлялись на станцию его встречать и с жадностью накидывались на него, чтобы поскорее узнать новости.

16-го июня мы узнали о переходе Дуная нашими войсками – мы ликовали. Объявлена была мобилизация гвардии, старший мой брат был в восторге. Граф Шувалов, при котором он состоял ординарцем, был назначен начальником 2-ой Гвардейской пехотной дивизии и брал его с собой. Мы с братом и сестрами были горды тем, что наш брат ехал на войну, и я очень ему завидовал.

7-го июля радостная телеграмма принесла весть о взятии прохода Шипки, но потом был ряд донесений о наших неуда-

чах под Плевной, что нас очень встревожило.

В июле скончался большой друг всей нашей семьи Николай Васильевич Симоновский, который был и крестным отцом моего брата Николая. Это было большим горем не только для наших родителей, но и для нас, так как мы привыкли его видеть у нас почти каждый день, и он всегда нас очень баловал. Вскоре после его кончины мы узнали, что он завещал нам всем капиталы, старшим по 3 тысячи, брату Николаю 5 тысяч, а мне и сестрам – по 1000 рублей – нам казалось, что мы сделались богачами.

В августе месяце мы все переехали в город в 10-х числа, так как, во-первых, надо было снаряжать старшего брата на войну, во-вторых, 20-го августа было начало занятий в корпусе.

С театра войны вести были не радостные – под Плевной была неудача, на Балканах нас тоже теснили и не давали возможности продвинуться вперед.

22-го августа мы все провожали нашего старшего брата на войну. Он уехал с Варшавского вокзала. Хотя мне было всего 12 лет, но я страшно ему завидовал и сожалел, что не могу ехать с ним, что я еще так мал. Перед своим отъездом он снялся в боевой форме у фотографа Штейнберга на фоне густого леса и всем нам подарил по фотографии. Мне он на ней написал: «Стоя в лесу дремучем, жертвую сию фотографию шалуну Ваде!»

Проводив брата, я с братом Николаем уехал в корпус, где

занятия уже начались.

25-го августа скончался большой друг нашего отца Траубенберг, он тоже состоял при великом князе Николае Николаевиче и постоянно, почти каждое утро, приходил к моему отцу пить кофе и сидел у него в кабинете. Его посещения остались у меня в памяти, так как моя мать всегда, после его ухода, отворяла все форточки. Траубенберг курил Жуков табак,⁴¹ запах которого с трудом можно было выкурить. Моя мать всегда очень беспокоилась за отца, которому вреден был такой едкий сильный дым.

Мой отец был страшно огорчен кончиной Траубенберга.

В сентябре я был окончательно зачислен интерном на казенный счет, о чем помощник начальника военно-учебных заведений генерал Корсаков уведомил моего отца письмом, а затем и официальной бумагой, которые я привожу целиком. <...>⁴²

Это было большой радостью моим родителям, которым очень трудно было содержать меня в Пажеском корпусе на свой счет, одна одежда стоила очень дорого.

В начале октября в корпусе у нас произошло большое событие – разнесся слух, что уходит Мезенцов и директором назначается Дитерихс – генерал-лейтенант, в то время ди-

---

⁴¹ ...Жуков табак... – табачные изделия, произведенные на фабрике В. Г. Жукова (1795–1882).

⁴² Письмо помощника начальника военно-учебных заведений Н. Н. Корсакова от 8 сентября 1877 опущено. – Примеч. ред.

ректор одной из С.-Петербургских военных гимназий. Про Дитерихса носились слухи, что он очень требовательный и строгий, и потому мы не с особенным удовольствием ожидали его назначения.

12-го октября мы были обрадованы вестью о взятии Горного Дубняка – как только пришла телеграмма, уроки были прекращены, в церкви отслужен был молебен, и нас отпустили в отпуск.

По возвращении в корпус, на другой день, у нас в церкви в присутствии всех пажей была отслужена панихида по убитом 13-го октября на рекогносцировке князе Сергее Максимилиановиче.⁴³ Тело его было привезено в Петербург и похоронено в Петропавловской крепости. Я помню печальный торжественный перевоз тела его с Николаевского вокзала. Это было вечером, мы смотрели на процессию из окон квартиры наших друзей Шебашевых, которые жили на Невском проспекте в бельэтаже. Процессия двигалась как-то таинственно? среди полного мрака, только факелы, которые несли пажи младшего специального класса, освещали колесницу.

Все очень жалели Сергея Максимилиановича, говорили, что это был удивительно хороший человек.

От брата, с войны, мы имели постоянные вести, он был в аккуратной переписке с моей старшей сестрой. Мы всегда с

---

⁴³ ...князе Сергее Максимилиановиче... – светлейший князь Сергей Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский (1849–1877), генерал-майор. Внук императора Николая I и правнук Жозефины Богарнэ.

нетерпением ждали его писем.

Старшая сестра моя работала в мастерской у великой княгини Александры Петровны во дворце, там готовили все необходимое для раненых. Когда мы приезжали из корпуса, то тоже бывали иногда в этой мастерской и даже помогали щипать корпию. В то время на раны клали не марлю, а корпию.

9-го ноября после второго урока к нам в класс почти вбежал наш воспитатель, уже по его лицу мы догадались, что получены вести о победе – действительно, он прочел нам депешу о взятии Карса.⁴⁴ Громкое «ура» вырвалось у нас. Уроки, конечно, были отменены, служили молебен и нас распустили в отпуск на два дня. Восторгу не было границ.

А 28-го ноября ликование наше достигло своего апогея – Плевна была взята со всей турецкой армией и Османом-пашой. Эта победа решила участь всей кампании.

Нас распустили на этот раз на три дня, весь город расцвечился флагами, все улицы вечером были иллюминированы.

Когда мы приехали домой, то бросились к отцу радостные, счастливые. Мы сразу заметили, как ему было приятно, что мы так радовались победе, от него мы узнали все подробности этой славной битвы.

К сожалению, мой отец в это время стал все прихварывать, у него все чаще и чаще делались стеснения в груди, что

---

⁴⁴ ...о взятии Карса. – Штурм и взятие в Закавказье турецкой крепости Карс войсками Кавказской армии в ночь с 5 (17) на 6 (18) ноября.

нас всех приводило в большое беспокойство.

10-го декабря в Петербург вернулся государь из действующей армии, встреча была очень торжественная, Пажеский корпус в полном составе был выстроен на Садовой, против корпуса. Почему-то нас вывели слишком заранее, и мы порядочно продрогли, простояв часа два на морозе с ветром. Но когда показались сани государя и мы увидели его царственное лицо, то забыли о морозе и кричали «ура» из всех наших сил, с волнением и восторгом. Нас отпустили в отпуск, и вечером весь город был чудно иллюминирован. К сожалению, порывы сильного ветра все время гасили вензеля и звезды, но потом они сразу опять вспыхивали. В то время вся иллюминация была газовая, на домах бывали громадные вензеля государя и императрицы, на всех фонарных столбах ввинчивались звезды различных форм. Такого рода газовая иллюминация всегда мне нравилась больше электрической, в которой хотя больше яркости, но зато нет жизни.

На другой день после возвращения государя на Дворцовой площади состоялся парад войскам Петербургского гарнизона. Мы с братом отправились на площадь и отлично все видели, так как нас, как пажей, пропустили к подъезду ее величества, где стояли государь со свитой, пропуская войска. Мой отец был на параде верхом, что очень тревожило мою мать, мы еще тогда не отдавали себе отчета, насколько наш отец был серьезно болен и как ему вредно быть верхом на морозе. Как исполнявшему должность генерал-инспекто-

ра кавалерии, моему отцу пришлось ехать впереди учебного эскадрона и салютовать государю. Мы любовались нашим отцом, как он прекрасно проехал и салютовал. Государь обратился к учебному эскадрону⁴⁵ и сказал: «А ваш Моравский душевно меня порадовал известием о взятии Плевны, он первый прискакал сообщить мне эту радостную весть!»

Три дня праздновал Петербург возвращение государя. Помню иллюминацию на Большой Морской, да у Кумберга⁴⁶ был сожжен фейерверк на крыше – ракеты, бураки, колеса и т. д. Народ ликовал, огромные толпы были везде, всюду слышны были пение молитв, гимна, «ура» не прекращалось. Когда вечером, на второй день, государь поехал в балет, то за его санями бежала огромная толпа народа с пением и криками восторга. За санями цесаревны Марии Феодоровны бежала также толпа.

Мы вернулись в корпус, три дня отпуска прошли быстро. В корпусе у нас шли полугодовые репетиции, трудно было учиться среди всех волнений, связанных с войной, учителя были снисходительны, понимали наше настроение, и мы выдерживали, и у меня, и у брата были хорошие отметки.

---

⁴⁵ ...к учебному эскадрону... – в 1877 – отдельное подразделение Образцового кавалерийского полка, с 1882 действовал в составе Офицерской кавалерийской школой.

⁴⁶ ...да у Кумберга... – торговый дом Кумберга, расположенный на Большой Морской ул., д. 19 и принадлежащий И. А. Кумбергу – мастеру-бронзовщику, владельцу заведения, изготавливавшего люстры, столовые лампы и тому подобное на основе французских и австрийских образцов.

В это время еще праздновали юбилей Александра I, сто лет со дня его рождения. В Михайловском манеже по этому случаю была устроена выставка, выставлено было 26 картин с разными эпизодами из жизни Александра I.

Мой отец со старшей сестрой приехал за нами в корпус и повез нас на эту выставку, чему мы были очень рады.

В двадцатых числах декабря корпус посетил военный министр Милютин. Мы всегда бывали рады его приезду. Этот раз он вдруг, подойдя ко мне, спросил, сколько мне лет и продолжаю ли я учить Мансура, это было во время урока географии. Я никак не ожидал, растерялся было, но потом ответил как следует. Все были поражены, что он запомнил меня.

От старшего брата мы имели постоянные вести, он был в двух сражениях и, слава Богу, не был ранен; в декабре, в конце, он уже был за Балканами.

22-го декабря нас с братом отпустили домой на рождественские каникулы. Я был страшно рад ехать домой, а главное – с хорошими результатами полугодовых репетиций. Я стал в классе пятым учеником, а в первую четверть был десятым. Средний балл был $8 \frac{11}{12}$.⁴⁷ Мой брат сделался четвертым при среднем балле $9 \frac{2}{10}$. Я был ужасно рад, что мог порадовать своих родителей, особенно доставить утешение отцу, здоровье которого нас тревожило и который принимал

---

⁴⁷ ...Средний балл был $8 \frac{11}{12}$ ... – средний балл в рамках двенадцатибалльной системы оценки знаний, принятой в системе военно-учебных заведений.

очень близко к сердцу наши успехи.

Новый 1878 г. мы встретили, как всегда, за молитвой. В то время в церквах в 12 часов ночи молебнов не служили, этот обычай привился гораздо позднее. В 10 часов вечера под Новый год мы, дети, зажгли елку, которую сами украшали. Тут же были разложены подарки. Я подарил вместе с братом отцу одеколон, матушке – шарфик; нам подарили все полезное: тетради, перья, карандаши, – после 11-ти часов сели ужинать, а ровно в 12 часов мы все встали на колени и отец наш прочел новогодние молитвы. Мы были рады, что встречаем Новый год вместе, только старший брат отсутствовал, на войне, но мы жили надеждой, что он скоро вернется – война была уже на исходе.

10-го января по случаю пленения армии Сулейман-паши, после молебна в корпусной церкви, нас отпустили в отпуск на два дня – мы с радостью поехали домой.

17-го января мы узнали о назначении к нам нового директора вместо генерала Мезенцова, а 1-го февраля генерал-адъютант Дитерихс уже вступил в должность. Он сразу стал прибираться все к рукам, целые дни проводя среди пажей, появляясь и на уроках, и на занятиях, и на прогулках. Не прошло и двух недель, как он уже знал пажей по фамилиям, что на нас произвело большое впечатление. И не только он знал по фамилиям, но знал и успехи каждого, и поведение. Одно было неприятно – он был слишком большим педантом и говорил с акцентом, не чисто русским языком, что не мог-

ло расположить к нему пажей. Он любил читать нотации, которые не всегда были удачны, а порой даже комичны, благодаря его плохому выговору. Как-то раз в моем классе один из моих товарищей сыграл плохую шутку с учителем рисования.

Дитерихс велел выстроить весь младший возраст и прочел нам нотацию, возмущаясь поступком нашего товарища. Под конец он сказал: «Мнэ даже стыдно, я нэ могу назвать того пажа, который сдэлаз это. Паж Скворцов, ступате под арэст!»

Много было потом разговоров по этому поводу, много смеху.

Мезенцову поднесли серебряный альбом с группами каждого класса, для этого все пажи, по классам, ездили сниматься к фотографу Захарьину.

22-го января, по случаю заключения перемирия как преддверия мира, Петербург украсился флагами, и нас после молебна отпустили в отпуск на два дня. Все были в повышенном настроении, радовались окончанию войны.

В этот же день мы получили грустную весть, что наша двоюродная сестра княгиня Хилкова, сестра милосердия в Кавказской армии, заболела сыпным тифом. А через два дня, когда мы были еще дома, сидели за столом, к нам вошел наш отец, бледный, весь взволнованный, и объявил нам, что сейчас какая-то женщина на приеме выстрелила в упор в градоначальника генерал-адъютанта Трепова, тяжело ранив

его. Мы были ошеломлены этим известием. Мой отец сейчас же оделся и поехал к Трепову, с которым был в очень хороших отношениях. Мы с нетерпением ждали его возвращения, чтобы узнать подробности. Он вернулся и рассказал нам, что видел Трепова, что положение его тяжелое, но не безнадежное, что женщина, стрелявшая в него, это – Вера Засулич, она мстила за состоявшийся накануне приговор Особого присутствия Сената⁴⁸ над целым рядом лиц, замешанных в политических беспорядках.

Веру Засулич судили 31-го марта судом присяжных и оправдали, благодаря блестящей защите ее известным А. Ф. Кони.⁴⁹

Таким образом, убийца была оправдана, это нам, детям, было совсем недоступно пониманию.

31-го января у наших друзей Шебашевых был обед для молодых Моллеров. Прелестная Ольга Ивановна Ситникова, которая, как я помню, ужасно мне нравилась, вышла замуж за полковника Моллера. Обед этот сохранился в моей памяти, так как это был первый торжественный парадный обед, на котором и мы, дети, присутствовали. Он продолжался полтора часа, была масса блюд, шампанское. Все это на меня

---

⁴⁸ ...мстила за состоявшийся накануне приговор Особого присутствия Сената... – В. И. Засулич стреляла в градоначальника Ф. Ф. Трепова, приказавшего выпороть политического заключенного дворянина А. С. Боголюбова.

⁴⁹ ...блестящей защите ее известным А. Ф. Кони. – Суд присяжных 12 апреля 1878 полностью оправдал Засулич. Защитником на процессе выступал П. А. Александров, а А. Ф. Кони был председателем суда.

произвело сильное впечатление.

В начале февраля помню очень хорошо возвращение с войны Саши Андреевского, который был женат на Рожновой, дочери управляющего певческой придворной капеллой.⁵⁰ Этот Саша Андреевский был сверстником моего старшего брата и, будучи в военном училище, всегда ходил в отпуск к моим родителям, таким образом, он был принят у нас как самый близкий родной. В офицеры он вышел в артиллерию в гвардию, был на войне, встречался там с моим братом. Будучи контужен в голову, пролежал в госпитале и в начале февраля, к радости своей молодой красавицы жены и всех нас, вернулся в Петербург.

Когда он пришел к нам, мы его встретили с восторгом и не отходили от него, впиваясь в его рассказы о войне.

19-го числа заключен был мир – война кончилась. После молебствия в корпусе нас отпустили в отпуск, благодаря чему мы с братом могли провести дома день серебряной свадьбы наших родителей, который был на другой день 20-го февраля. Мы готовились как-то особенно радостно к этому дню под руководством нашей старшей сестры, которая больше всех хлопотала не только за себя, но и за всех нас, младших детей.

Она встала в этот день в пять часов утра, чтобы все прибрать и приготовить. Мы тоже с братом и младшей сестрой

---

⁵⁰ ...управляющего певческой придворной капеллой. – Рожнов Александр Иванович (1821–1878), регент и преподаватель Придворной певческой капеллы.

от волнения не могли спать и скоро тоже встали, чтобы помочь все приготовить к тому времени, когда родители наши встанут.

В красной гостиной установили все подарки. Вдоль стены поставили длинный стол, покрыли его сукном, устроили в середине возвышение, на которое установили нашу группу,⁵¹ снятую с родителями перед отъездом старшего брата на войну. Группа была в синей бархатной раме с серебряными инициалами на ней, цифрой XXV и годами. Она очень красиво была окружена цветами. Перед группой разложены были подарки – серебряные запонки с синей эмалью, римской цифрой XXV и надписью; булавка серебряная с монограммой «поздравляем». Эти две вещи составляли общий подарок от нас – трех сыновей. От младшей сестры – коврик под лампу ее работы и туфли. От старшей сестры – отцу кресло, вышитое ею, а матушке – ковер, который она вышивала вместе с Шурочкой Андреевской. Затем на столе лежало еще много подарков от родных и близких друзей, трудно их всех перечислить.

Мой отец и моя мать обменялись подарками: они друг другу подарили все новое, начиная с белья, обуви и кончая верхним платьем, так что к кофею они вышли во всем новом в этот счастливый день их венчания.

В 11-м часу стали приходить гости, первыми пришли Андреевские, затем наша двоюродная сестра Жеребцова. В 12

---

⁵¹ ...нашу группу – фотография, не сохранившаяся в архиве автора.

часов, совсем неожиданно, вошел к нам ротмистр Суханов, адъютант великого князя Николая Николаевича, с приветом от старшего моего брата с войны. Оказалось, что он приехал к нам прямо с вокзала, не заезжая даже домой, так как обещал брату тотчас же по приезде передать отцу его поздравление.

Мой отец и моя мать были ужасно счастливы получить в этот радостный для них день живую весточку от их старшего сына. Вскоре приехала наша любимая тетя Юлия Карловна, пришло духовенство, и был отслужен молебен.

После молебна стали съезжаться гости. В два часа дня был накрыт завтрак (*déjeuner dînatoire*);⁵² к этому времени все уже собрались, всего село за столы, накрытые в столовой и красной гостиной, 54 человека – все родные и близкие, а также несколько друзей и сослуживцев отца. За завтраком было: бульон в чашках с «*diablotins*»⁵³ каенским перцем, *cote* из рыбы, жареные индейки и рябчики и мороженое. После завтрака пили кофе и чай, разъезжаться стали около пяти часов. Было все так трогательно, что я теперь, когда пишу эти строки и вспоминаю этот день, то волнуюсь, переживая все то, что я пережил тогда, будучи мальчиком. Вечером оставались только самые близкие, в 10 часов все разъехались.

На другой день в Михайловском манеже был развод в присутствии государя. Был и учебный эскадрон. Мой отец вслед-

---

⁵² *Déjeuner dînatoire* (фр.) – поздний завтрак.

⁵³ *Diablotins* (фр.) – дьявольский.

ствие нездоровья не был. Государь так остался доволен учебным эскадроном, что вызвал его командира полковника Эртеля из строя и при всех его благодарил за отличную езду, скачку и вообще состояние эскадрона. Прямо с развода Эртель приехал к моему отцу доложить об этой радости. Мой отец был страшно счастлив, это доставило ему огромное удовлетворение. Мы все порадовались за него.

27-го марта скончался генерал Леонтьев – начальник академии Генерального Штаба, с которым мой отец был очень дружен. Мы все были огорчены, так как со всей его семьей были близки, один из Леонтьевых был со мной в одном классе в корпусе. Мы все были на похоронах.

16-го апреля, на Пасхе, состоялось производство в офицеры камер-пажей и пажей старшего специального класса. В этот же день великий князь Николай Николаевич Старший произведен был в генерал-фельдмаршалы с увольнением от должности главнокомандующего и, сдав командование генерал-адъютанту Тотлебену, отбыл в Россию. Все в корпусе восторгались его прощальным приказом, который он отдал по армии, в нем, между прочим, обращаясь к солдатам, великий князь сказал: «Особенное сердечное спасибо тебе, русский солдат! Ты не знал ни преград, ни лишений, ни опасности. Безропотно, безостановочно шел в грязи и снегу, через реки и пропасти, через доли и горы и бесстрашно бился с врагом, где бы с ним не встретился. Для тебя не было невозможного в пути, который тебе указывал начальник. Те-

бе честь и слава, добытые кровью и потом России, бившейся за освобождение угнетенных христиан».

Встреча великому князю в Петербурге была очень торжественная.

Мой отец уже себя плохо чувствовал, но он все же поехал на встречу. По возвращении он уже не выходил до самого отъезда на дачу.

Доктора настаивали, чтобы он оставил службу. Великий князь пошел навстречу настояниям докторов и, освободив его от должности начальника канцелярии генерал-инспектора кавалерии, испросил высочайшее соизволение на назначение моего отца состоящим при нем с оставлением ему всего содержания, которое он получал. Такое внимание великого князя нас всех очень тронуло.

Когда последовало высочайшее соизволение, великий князь сам пришел к моему отцу объявить ему об этом. Приход его был совершенно неожиданным. Я отлично помню, как, услышав звонок в передней, я побежал посмотреть, кто приехал, и вдруг увидел высокую величественную фигуру великого князя. Я оробел и хотел спрятаться, но великий князь меня заметил и спросил: «К твоему отцу можно? Пойди, доложи ему, что я хочу его видеть». Я побежал предупредить мою мать, которая сейчас же вышла навстречу и проводила великого князя к отцу, который сидел в халате в кресле.

Это было в мае месяце, вскоре после посещения великого князя мой старший брат приехал с войны – нашему востор-

гу и радостям не было конца, мы обнимали, целовали его, гордились им, считали его героем. У него были две боевые награды, у его денщика красовался на груди Георгиевский крест. Мои родители были страшно счастливы его возвращению.

Тотчас начались хлопоты с квартирой, мой отец не имел уже права на казенную квартиру, он получил взамен квартирные деньги, и моя мать стала искать новое помещение. Очень скоро удалось найти прекрасную квартиру на Васильевском острове, в 5-ой линии за 1800 рублей с дровами – как раз на те квартирные деньги, которые были назначены отцу. Моей матери было много хлопот с переездом, но все удалось устроить, и к моменту переезда с дачи она была совсем готова.

Экзамены у меня с братом кончились в 20-х числах мая, мы оба хорошо выдержали их, я перешел в 5-й класс четвертым учеником, брат в 6-й. К сожалению, мы с ним расстались, я остался в младшем возрасте, он перешел в средний.

В это время последовало высочайшее повеление об учреждении особого учебного заведения на 150 человек принадлежащих учеников под наименованием «Приготовительные классы Пажеского Е. И. В. корпуса».

Вызвано это было недостатком помещения в корпусе, так как число пажей увеличивалось и приходилось открывать параллельные классы. Согласно новому положению в приготовительных классах были 1-й, 2-й, 3-й и 4-й, а в Пажеском

корпусе оставлены были 5-й, 6-й и 7-й классы. Когда мы приехали в корпус в августе месяце, то 3-го класса уже не было, он был переведен на Кировскую в «Приготовительные классы», у нас остались 4-й, 5-й, 6-й и 7-й общие классы. В следующем 1879–80 учебном году и 4-й класс был переведен туда же, в корпусе осталось два возраста – средний 5-й, 6-й и 7-й классы и старший – два специальных класса.

Впоследствии на территории корпуса было выстроено новое обширное здание, соединенное с главным; приготовительные классы были упразднены, их перевели в корпус, так что в нем стало семь общих классов и два специальных. Этой реформы я уже не застал, она была произведена четыре года спустя после моего производства в офицеры.

По окончании экзаменов мы скоро всей семьей переехали в Онстопель, на ту же дачу Гернгросса, на которой жили в предыдущие годы. Наш отец, освободившись от службы, переехал с нами и, к нашей общей радости, жил безвылазно все лето на даче.

Лето прошло быстро, мы его провели очень хорошо, но моей матери пришлось очень часто ездить в город из-за устройства квартиры.

На даче было тихо, спокойно, отцу стало значительно лучше, только газеты приносили неутешительные вести о ряде террористических актов по всей России. Это волновало отца. А 4-го августа во время прогулки ударом кинжала в живот был ранен шеф жандармов генерал-адъютант Мезенцев.

Убийце⁵⁴ удалось скрыться,⁵⁵ а Мезенцев, несчастный, умер в тот же вечер. Это было, как говорили, мщением за казнь некоего Ковальского, обвиненного в вооруженном сопротивлении полиции на территории Одессы, бывшей на военном положении. Убийство главы полиции на улице, в центре столицы, среди бела дня, произвело в городе удручающее впечатление. Мой отец был страшно взволнован. 20-го августа мы переехали в город. Все уже было перевезено на новую квартиру, благодаря хлопотам нашей матушки. Жаль было нам очень нашу милую квартиру в казармах Конной гвардии.⁵⁶

Нам с братом было значительно дальше ездить в корпус. Старший брат хотя и имел отдельную комнату на новой квартире, прожил с нами недолго, он решил нанять отдельную квартиру и переехал от нас в Максимилиановский переулок, что очень огорчило моих родителей. Он находил, что ему далеко от службы и стеснительно, и решил поселиться со своим другом Воейковым. Последнее обстоятельство было тоже причиной огорчения моих родителей, которым не нравилась эта дружба.

В конце августа занятия в корпусе начались полностью,

---

⁵⁴ А. М. Степняк-Кравчинский.

⁵⁵ ...Убийце удалось скрыться. – А. М. Степняк-Кравчинский (1851–1895), народник, после убийства Н. В. Мезенцева скрывался за границей.

⁵⁶ ...нашу милую квартиру в казармах Конной гвардии... – офицерский трехэтажный корпус казарм лейб-гвардии Конного полка, выходящий на Б. Морскую ул. д.67 и совр. ул. Труда, д.10 близ Поцелуева моста в Петербурге

в Петербурге же было беспокойно, в университете и в высших учебных заведениях волнения все усиливались, доходили они до столкновения с полицией. Особенно буйным характером отличались собрания в военно-медицинской академии, где пришлось прибегнуть к вооруженной силе. До полутора ста студентов-медиков было арестовано и заключено в казармы Московского полка.⁵⁷ Все эти слухи доходили до нас, и мы в корпусе были сильно возбуждены против студентов. На моего отца все эти волнения вредно отражались, состояние его здоровья ухудшалось. Ему совершенно было запрещено выходить из дому, прописано было молочное лечение, полный покой.

В августе и сентябре наконец полки гвардии стали возвращаться в Петербург. Они оставались в Турции в качестве оккупационного корпуса. Всем полкам устраивались торжественные встречи у Московской заставы за Новодевичьим монастырем;⁵⁸ были устроены трибуны, по пути триумфальные арки, полки буквально закидывались лавровыми венками, цветами. Было удивительно торжественно, трогательно, умирительно. Мы с братом бывали каждый раз на встречах. Нас как пажей пропускали везде, и мы отлично все видели.

С возвращением войск в Петербурге на улицах стало го-

---

⁵⁷ ...казармы Московского полка – здание на набережной Фонтанки (д. 90), где в 1817–1890 гг. размещался лейб-гвардии Московский полк.

⁵⁸ ...за Новодевичьим монастырем... – Воскресенский Новодевичий монастырь – православный женский монастырь Санкт-Петербургской епархии РПЦ (совр. адрес – С.-Петербург, Московский пр-т, д. 100).

раздо больше оживления. В это время я увлекся театром и по уши влюбился в М. Г. Савину,⁵⁹ несмотря на свои 13 лет. Савина была в расцвете своего таланта и имела колоссальный успех, играла она в Александринском и Мариинском театрах. Все деньги, которые я получал, а они были очень небольшие, я тратил на театр, конечно, я ходил в самые дешевые места, куда даже считалось неприличным ходить пажу.

Я тщательно от всех скрывал свою любовь и сваливал на своих товарищей, как будто это они меня увлекали в театр. Скоро мне недостаточно было видеть Савину на сцене, я бежал после спектакля на артистический подъезд, поджидал ее выхода, прячась за угол, чтобы она меня не заметила, и наблюдал, как она выходила из подъезда и садилась в карету. Потом мне и этого показалось мало. Так как я не хотел никого спрашивать о ней, то сам отправился в адресный стол узнать ее адрес. Мне дали там справку, из которой я узнал, как она рожденная,⁶⁰ узнал ее адрес на Николаевской улице. Я туда и отправился в свободный день, сказав дома, что приглашен к товарищу. Я ходил мимо ее дома, поднимался с волнением по лестнице до ее двери. Но мне не везло, я никак не мог ее увидеть. Все же мне удалось случайно узнать, что она постоянно бывает у обедни в церкви Коммерческого училища, в Чернышевском переулке. Я, конечно, отправился

---

⁵⁹ ...в М. Г. Савину – Марья Гавриловна Савина (1854–1915), актриса, с 1874 – прима Александринского театра.

⁶⁰ Т.е. девичью фамилию. – Примеч. ред.

туда в первое же воскресенье, сказав, что иду к Благовещенью, а сам чуть ли не бежал в Чернышев переулок – это было порядочное расстояние с Васильевского острова. Придя в церковь Коммерческого училища, я с трепетом искал предмет моей страсти. Помню, с каким разочарованием я возвращался домой, если ее там не было. Только придя в третий раз, я вдруг увидел Савину, стоявшую в левой стороне. Сердце мое забилось, я простоял всю обедню в каком-то чадуге, не спуская глаз с нее и боясь обратить на себя внимание. Возвратясь домой, я был весь день весел, радостен. Не помню, когда это было, Савиной дали бенефис, и она на нем выступила в комедии Крылова «Шалость».⁶¹ Играли лучшие силы Александринского театра. Чтобы получить билет, я отправился к кассе театра часов в семь утра, и то мне пришлось стоять далеко в хвосте. Билет я получил, и был очень счастлив. Савина была бесподобна, имела колоссальный успех, ее вызывали до пятидесяти раз, публика безумствовала, я чуть не выбросился от восторга за рампу – меня удержали мои товарищи, нас было человек шесть пажей, поклонников Савиной, мы сидели в ложе. По окончании спектакля я отправился с волнением на артистический подъезд – толпа уже окружала его.

Долго мы ждали; наконец, появилась она с огромным букетом цветов. Подали карету, она с кем-то села, я решился

---

⁶¹ ...«Шалость» – комедия В. А. Крылова «Шалость: Из альбома путешественника по Италии», 1880.

подойти совсем близко, попросить у нее цветок, видя, что и другие просят. Она оторвала палевую розу и дала мне – я схватил розу дрожащими руками и поцеловал ее. Я был счастлив бесконечно. Придя домой, я ее тщательно спрятал и хранил до последних дней.

Когда несколько лет назад мы окончательно ликвидировали все, что у нас оставалось в Петербурге, я среди всех своих воспоминаний нашел эту розу – в бумаге были одни лепестки, я сжег их, этих милых свидетелей моей первой чистой бескорыстной любви. Когда впоследствии я познакомился с М. Г. Савиной, лет 20 спустя, я не без волнения поцеловал ее руку. Последний раз я был у нее на Карповке в Петербурге, когда она праздновала свой юбилей в 1914 или 1915 году,⁶² а я был товарищем министра. Затем я ее уже не видал. Когда ее хоронили, я был у ее гроба среди всех ее почитателей, переживая в своей душе чувства глубокой благодарности к той, которая возбудила во мне те дорогие чувства чистой бескорыстной первой любви, которые всегда остаются светлыми воспоминаниями.

В декабре месяце корпус был осчастливлен посещением государя, как всегда неожиданно, без предупреждения. На этот раз государь приехал, когда мы еще сидели в классах, так что некоторым пажам пришлось отвечать при государе. Нам показалось, что государь был очень серьезен и озабо-

---

⁶² ...в 1914 или 1915 году... – празднование юбилея М. Г. Савиной проходило весной 1914 года

чен. Уезжая, он повелел отпустить нас в отпуск до вечера следующего дня, мы как всегда бежали за его санями далеко по Садовой, некоторые ухитрились даже встать на полозья. Восторг был колоссальный.

Новый год мы встретили дома, мой отец себя чувствовал неважно, и когда он, стоя на коленях, читал нам новогодние молитвы, было как-то тяжело на сердце.

В январе захворал мой старший брат, его лихорадило, и сильно болели ноги (последствия войны), он лежал, и когда мы приезжали из корпуса, то навещали его.

9-го февраля харьковский губернатор князь Кропоткин был убит выстрелом из револьвера. Это на отца сильно подействовало. Я в это время был дома: приехав из корпуса, я простудился, и меня родители оставили дома.

Мой старший брат к этому времени поправился и стал ездить к отцу каждый день, что очень утешало моего отца.

В корпус уехал мой брат один. Я был рад остаться дома, какое-то предчувствие угнетало меня. 15-го вечером мы, как обычно, разошлись спать. Отец и мать благословили меня и сестру, и я лег спать в комнате моего старшего брата на диване.

Вдруг под утро меня будят и зовут к отцу – ему стало плохо. Это было, как мне помнится, часов в пять утра. Когда я прибежал в спальню отца, то увидел его полусидящего в кровати и хрипящего, глаза его были закрыты, моя мать, мои сестры стояли на коленях, тут же прислуга. Я растерялся и

не хотел верить, что все уже кончено. Мой отец все хрипел, хрипы становились все медленнее, и наступила полная тишина – моего отца не стало, не стало того, кого мы так обожали, в кого так верили, кого так уважали. . .

Послали за старшим братом, послали в корпус за братом Николаем. Съехалась масса родных, в два часа отслужили первую панихиду. Тяжело было ужасно! Тело отца бальзамировали. Хоронили его на пятый день, не хотелось нам расставаться с его телом. У нас было уже место на Смоленском кладбище, где и похоронили нашего друга и отца. Отпевали в церкви Конной гвардии, в родном нам храме Благовещения. Была масса народа, родных, близких. Сочувствие всех нас утешало. При выносе тела из квартиры на улице был выстроен почетный караул от учебного эскадрона.

К отпеванию в церкви приехали великая княгиня Александра Петровна с великим князем Петром Николаевичем. Великий князь Николай Николаевич Старший был нездоров, но он все-таки встал, надел парадную форму Уланского полка (мой отец был уланом), и при проходе процессии мимо дворца он стоял у окна, и мы видели, как он перекрестил гроб.

До кладбища тело отца провожал учебный эскадрон и запасной эскадрон л. – гв. Уланского Его Величества полка из Павловска с хором трубачей от Конной гвардии и два орудия Конной артиллерии.

После похорон все родные и близкие приехали к нам на

квартиру, пили у нас чай, деля с нами наше горе.

Мой отец оставил нам духовное завещание любить друг друга, лелеять нашу мать, заботиться о ней и помогать друг другу, живя в дружбе и согласии.

Великому князю он оставил письмо, в котором просил не оставить без поддержки семью, причем выразился, что просит это не за службу свою, за которую всегда он был вознаграждаем, а обращаясь исключительно к доброте его высочества.

После 9-го дня мы с братом вернулись в корпус. Все товарищи мои и корпусное начальство очень сочувственно отнеслись к моему горю, что мне было большим облегчением.

13-го марта новое покушение встревожило всех. Было совершено покушение на убийство шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна.⁶³

К счастью, оно не удалось.

В это время моему старшему брату опять стало хуже, он с трудом мог ходить, но все же выезжал, приезжал ежедневно на нашу квартиру. 11-го марта было воскресенье, и потому мы с братом были дома. В этот день старшему брату сильно нездоровилось, но он все же приехал к нам. Но когда мы приехали в следующую субботу, то узнали, что накануне

---

⁶³ ...Дрентельна. – Александр Романович Дрентельн (1824–1888), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1867), в 1878–1880 гг. шеф Отдельного корпуса жандармов и главный начальник III-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Совершивший попытку покушения Л. Ф. Мирский (1859–1920) позже был арестован и отправлен на каторгу.

он совсем слег. Мы навестили его в квартире в Максимилиановском переулке, но побыли у него минут пять, нам в голову не приходило, что мы его больше не увидим.

Моя мать не отходила от него, переехав совсем к нему, а моя старшая сестра оставалась дома с младшей сестрой. Мы уехали 18-го в корпус встревоженные за брата, но не обеспокоенные. Как вдруг, в среду 21-го марта, утром мой воспитатель подошел ко мне и сказал, что мой старший брат болен и моя мать просила нас отпустить, чтобы я сейчас шел в цейхгауз одеваться. Как громом меня поразила эта весть, я почувствовал, что значит уж очень плохо, но все же не допускал мысли, что все уже кончено. Я оделся и зашел за братом, встретили мы директора Дитерихса, который нас огоршил: «Ваша мать просила отпустить вас, ваш брат заболел, отправляйтесь и вернитесь после похорон». Мы поняли, что все кончено; едва сдерживая рыдания, мы побежали, наняли извозчика и приехали к брату на квартиру. Наш брат был уже в гробу...

От мамы, не отходившей от него, мы узнали подробности его христианской кончины. Все три дня после воскресенья он был плох, у него оказалось воспаление печени. Накануне в 12 часов ночи он повернулся к матушке и сказал: «Мама, священника, приобщиться хочу». Тотчас послали за его духовником. Он все метался и говорил, скоро ли? Когда вошел священник, то он очень обрадовался и сказал: «Ах, батюшка, как я рад, что вы пришли приобщить меня, помолитесь

за меня, недолго жить осталось». Потом он молился, просил прощения у моей матери, позвал своего денщика, обнял его, благодарил за службу, просил мать не оставить его, затем просил мать поцеловать всех нас, назвав всех по имени. Затем исповедался, повторяя все молитвы. После причастия попросил священника дать еще раз поцеловать евангелие, а после говорил докторам: «Ну, разве не все равно, часом раньше или позже, что вы стараетесь, ведь я уже приготовился, я ведь знаю, что кончаюсь». За 20 минут до смерти, он стал реже дышать, захрипел и умер... Его похоронили рядом с отцом, отпевали у Благовещения. Не верилось, что прошло немного более месяца и опять у нас новое горе.

За его гробом следовал тот же эскадрон л. – гв. Уланского Его Величества полка, который следовал за гробом отца, и тот же оркестр играл похоронный марш.

От покойного брата ко мне перешла его собака Марта, черный водолаз, я так полюбил ее, и она так привязалась ко мне, что когда она, через несколько лет, околела, то это было для меня большим горем.

С тяжелым сердцем мы вернулись в корпус, это была Страстная неделя. Пробывши два дня в корпусе, мы опять были дома и провели праздник Пасхи тихо в грусти, стараясь утешать и поддерживать нашу дорогую мать в ее горе.

На второй день Пасхи Петербург был страшно встревожен. В девятом часу утра, при возвращении императора Александра II с прогулки в Зимний дворец, шедший ему на-

встречу человек, одетый в пальто и в форменной фуражке с кокардой, подойдя на близкое расстояние, произвел в государя пять выстрелов из револьвера.⁶⁴ К счастью, государь даже не был ранен. Сбежавшаяся толпа схватила преступника, оказавшегося сельским учителем из исключенных студентов – Соловьевым. Весть об этом покушении разнеслась по городу, и все бросились во дворец. Мы с братом тоже побежали ко дворцу и увидели массу экипажей, военных и гражданских лиц, спешивших в дворцовую церковь.

В Петербурге учреждено было генерал-губернаторство – генерал-губернатором назначен был генерал-адъютант Гурко.

Все высшие чины министерства внутренних дел, градоначальник, губернаторы стали ездить не иначе, как в сопровождении двух казаков.

В это время градоначальником в Петербурге после Трепова был Зуров. Говорили, что он получил письмо от террористов: «Не мучайте казаков, мы не стреляем в дураков». Он был очень мягкий гуманный человек.

Государь с императрицей Марией Александровной выехали в Крым в Ливадию, здоровье императрицы требовало этого.

В корпусе в мае месяце начались экзамены. Увы! Я не мог справиться с ними. Весь учебный год 1878–79 прошел для

---

⁶⁴ ...произвел в государя пять выстрелов – Соловьев Александр Константинович (1846–1879), отставной коллежский секретарь, революционер-народник.

меня в таких переживаниях и тревогах, что учение мое не ладилось, и я провалился на трех экзаменах. Переэкзаменовок мне не дали, и я остался на второй год в 5-м классе, отстал от брата, который перешел в 7-й класс. Очень мне это было досадно и обидно, но что же было делать? Меня утешали, что по моим годам мне все равно пришлось бы рано или поздно просидеть два года в каком-нибудь классе, так как меня бы не выпустили в офицеры в 17 лет.

В конце мая моя сестра получила предложение быть фрейлиной при княгине Терезии Петровне,⁶⁵ вышедшей замуж за князя Георгия Максимилиановича,⁶⁶ но до назначения на эту должность ее пригласили к временному исполнению обязанностей фрейлины на летние месяцы. Предложение это последовало по инициативе великой княгини Александры Петровны, сестры Терезии Петровны.

Моя мать благословила мою сестру на это назначение, и она переехала на жительство на Сергиевскую дачу, близ Петербурга, когда молодые Лейхтенбергские вернулись из-за границы в июле месяце. Моя мать, чтобы ближе быть к ней, наняла дачу в Петергофе на бульваре Юркевича, куда мы и переехали в первых числах июня. Дача была очень хорошая, сестра навещала нас почти ежедневно, приезжая к нам в ка-

---

⁶⁵ ... Терезии Петровне – принцесса Тереза Петровна Ольденбургская (1852–1883), с 1879 – герцогиня Лейхтенбергская.

⁶⁶ ... Георгия Максимилиановича – светлейший князь Георгий Максимилианович Романовский, 6-й герцог Лейхтенбергский (1852–1912), генерал-лейтенант, генерал-адъютант; внук императора Николая I и правнук Жозефины Богарнэ.

рете с придворным лакеем (в то время фрейлинам не давали колясок, и они должны были ездить даже летом в карете). Нас очень занимало, что сестра наша сделалась придворной дамой, особенно нам нравилось, когда она приезжала по воскресным дням, тогда ее выездной бывал одет в парадную красную с орлами ливрею, что было очень эффектно.

Лето прошло быстро, в середине августа надо было уже вернуться в город к занятиям в корпус.

Сестра моя осенью окончательно была назначена фрейлиной и переехала на жительство в Мариинский дворец, где у нее были очень уютные три комнаты. Мы должны были оставить нашу чудную квартиру на Васильевском острове и переехали в значительно меньшую на Офицерскую улицу, совсем близко от старшей сестры.

22-го августа мы с братом были уже в корпусе. Мне было очень неприятно, что, оставшись на второй год, мне пришлось отстать от своих товарищей, с которыми я был очень дружен, и очутиться с пажами младше меня. Я долго не мог привыкнуть; да и воспитатель у меня был новый – подполковник Литвинов, далеко не такой, как Скалон, к которому я был очень привязан. Учителя тоже многие были другие.

Государь осень проводил в Ливадии. На обратном пути в двух местах были покушения взорвать его поезд – у станции города Александровска и под Москвой на Курской линии.⁶⁷

---

⁶⁷ ...у станции города Александровска и под Москвой на Курской линии – имеются ввиду покушения, организованные террористической фракцией партии

К счастью, оба покушения не удались. Под Александровском взрыва не последовало, а под Москвой взрыв произошел не под императорским поездом, а под непосредственно следовавшим за ним свитским поездом. Поезд сошел с рельсов, паровоз оторвался, несколько вагонов опрокинулось, но с людьми несчастий не произошло.

22-го ноября государь благополучно возвратился в Петербург⁶⁸ и стал ездить, окруженный казаками Конвоя. Впереди ехали два казака, а рядом с каретой или санями ехало шесть казаков и два сзади. Было жутко смотреть, что в своей столице русский царь-освободитель принужден был ездить окруженный конвоем. Очень это было тяжело!

Нас, пажей, выстроили в день приезда государя на Невском, на углу Садовой.

По возвращении государя начались обычные разводы в Михайловском манеже по воскресеньям, мы с братом бывали на этих разводах почти каждый раз и любовались молодецким видом войск и подходом ординарцев от шефских частей к государю. От специальных классов корпуса на каждом разводе с рапортом к государю подходил фельдфебель и два ординарца. Подходить ординарцами⁶⁹ – это была целая нау-

---

«Народная воля» 18 и 19 ноября 1879.

⁶⁸ Императрица Мария Александровна по настоянию докторов из Ливадии отправилась в Канны, провести там зиму. – Примеч. автора.

⁶⁹ ...подходить ординарцами... – подходить, подъезжать на ординарцы, составная часть смотра, когда наряд выстраивался в шеренгу и затем офицеры и солдаты по очереди подходили к царю и рапортовали о своем назначении.

ка, не всем удававшаяся. Некоторые, делая ружейные приемы, беря на караул, доходили до виртуозности.

В январе 1880 г. императрица Мария Александровна вернулась в Петербург. Императрица, страдавшая тяжелой болезнью и чувствуя приближение смерти, не пожелала оставаться в Каннах, куда ее на всю зиму отправили доктора, и хотела вернуться в Россию, к своей семье. Для безопасного возвращения ее из теплого климата в Петербург среди зимних холодов были приняты все меры. В Зимнем дворце в подъезде ее величества был устроен огромный тамбур с печами, была сооружена специальная карета с отоплением, на вокзале – теплая платформа. Мы с братом ходили смотреть на производимые работы и в день приезда императрицы, 23-го января, были на улице.

Город весь был во флагах, но встречи торжественной не было, чтобы не тревожить больную, императрица была слаба. Ее прямо уложили в постель, и она до самой своей кончины не вставала.

Не прошло и двух недель со дня возвращения императрицы, как в Зимнем дворце произошел взрыв. Еще в сентябре месяце в числе столяров, работавших в Зимнем дворце и помещенных в подвальном этаже, поступил под чужим именем один из террористов^{70.71} В течение четырех месяцев он все

---

⁷⁰ Халтурин С. Н.

⁷¹ ...один из террористов... – Халтурин Степан Николаевич (1856–1882), революционер-народоволец, создатель «Северно-русского рабочего союза».

время постепенно сносил туда динамит в свой сундук, стоявший в комнате как раз под царской столовой. Когда динамита было уже достаточное количество, он в шесть часов вечера 5-го февраля, как раз в час обеда царской семьи, зажегши шнур, соединенный с капсюлем с гремучей ртутью, приделанным к сундуку, сам скрылся из дворца. Через несколько секунд последовал страшный взрыв.

Государь в этот день ожидал принца Александра Гессенского и сына его, князя Александра Болгарского. Поезд их опоздал, и потому обед был отложен до их приезда. В момент взрыва государь как раз шел им навстречу в Малый фельдмаршальский зал. От сильного удара поколебались стены, разбились стекла и газ потух во всем дворце. Но разрушение коснулось только главной гауптвахты, где находился караул, она была как раз между подвалом, где заложен был динамит, и столовой. Караул был от л. – гв. Финляндского полка – было убито взрывом 11 и ранено 56 нижних чинов. В полу столовой оказалась лишь незначительная трещина, и пол с накрытым столом немного приподняло.

Известие это ошеломило всех, в корпусе отслужено было молебствие благодарственное за спасение жизни государя, и отслужена была панихида по пострадавшим. Караул Финляндского полка вел себя геройски: несмотря на столь тяжелые потери, страдания раненых, увечья, часовые не сдвинулись с мест, и, когда по тревоге вызванная рота Преображенского полка хотела сменить их, часовые уступили свои ме-

ста только по прибытии их собственного тяжело раненного ефрейтора. Начальник караула капитан Елита фон Вольский был сделан флигель-адъютантом.

Для борьбы с крамолой была учреждена «Верховная следственная комиссия»⁷² под председательством графа Лорис-Меликова.⁷³

Градоначальник Зуров был смещен, назначен был генерал Баранов, ничего собой не представлявший.

При таких тревожных обстоятельствах Россия праздновала 25-летие царствования Александра II. Празднование было приурочено к 19 февраля, происходило оно не только во дворце, но и во всех учреждениях.

В Пажеском корпусе у нас оно было обставлено весьма торжественно. Все залы были разукрашены, портреты государя были в цветах. В церкви после обедни в присутствии всего персонала корпуса и пажей было отслужено молебствие, после чего в трех залах были накрыты столы – и все камер-пажи и пажи всех возрастов и офицеры с директором во главе заняли места. У каждого прибора лежало красивое меню. Меню обеда было следующее:

---

⁷² ...Верховная следственная комиссия – Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия – чрезвычайный государственный орган, призванный объединить действия всех властей империи для обеспечения общественной безопасности.

⁷³ ... Лорис Меликова... – Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825–1888), граф, генерал от кавалерии (1875), генерал-адъютант; в 1880 г. глава Верховной распорядительной комиссии, в 1881 – министр внутренних дел.

Бульон с кулебякой.

Осетрина по-русски.

Жаркое – дичь с салатом.

Мороженое.

Фрукты.

За обедом было дано каждому по бокалу шампанского, пили здоровье государя. «Ура», восторженное «ура» огласило залы, детские голоса смешались со взрослыми.

Затем после обеда прочитан был краткий обзор царствования Александра II, и нас распустили по домам в отпуск на три дня. Город был вечером иллюминирован.

Но на другой же день всенародного торжества – новое покушение. На этот раз неизвестный покушался на жизнь графа Лорис-Меликова. Преступник дал промах, граф Лорис-Меликов остался невредим.

Преданный военному суду, злоумышленник⁷⁴ был приговорен к смертной казни и приговор был приведен в исполнение в 24 часа.

Все эти события сильно волновали наши умы. Мне в это время было почти 15 лет, и я уже не по-детски реагировал на них. В корпусе мы все были очень патриотично настроены и принимали все близко к сердцу.

Занятия мои шли хорошо, мне было легко учиться, приходилось только повторять пройденное. Дома было все бла-

---

⁷⁴ ...злоумышленник – Ипполит Осипович Молодецкий (1855–1880), террорист-одиночка.

гополучно, сестра стала привыкать к своей новой придворной жизни и привязалась к своей княгине. Мы бывали у нее часто, и она нас представила и князю, и княгине. Мы иногда бывали у обедни в Мариинском дворце. Пасха в этом году была очень поздняя, 27-го апреля, так что часть экзаменов была еще в посту. Мы с братом хорошо выдержали их и перешли без переэкзаменовок я в 6-й класс, он – в младший специальный.

В мае месяце, 22-го числа, тихо без страданий отошла в вечность императрица Мария Александровна. 28-го мая ее похоронили в Петропавловском соборе. Нас, пажей, водили в крепость поклониться телу усопшей императрицы. При перевозке тела мы стояли шпалерами на Дворцовой набережной.

Лето мы провели в имении моей двоюродной сестры княгини Хилковой в Харьковской губернии. Она только что отстроила себе там чудный дом и пригласила нас всех провести с ней лето. Моя мать и поехала с нами, т. е. со мной, с моим братом и младшей сестрой. Старшая сестра осталась при княгине Терезии Петровне и провела то лето в имении князя в Тамбовской губернии. В начале июня мы выехали из Петербурга. Это было первое мое путешествие, и потому в пути меня все интересовало, я не отходил от окна вагона. Москва на меня произвела огромное впечатление, но показалась мне какой-то запутанной, со своими выпуклыми ужасными мостовыми и невозможными извозчиками, на ко-

торых с трудом можно было поместиться вдвоем. Мы пробыли там с утра до четырех часов дня, остановились в гостинице на Мясницкой. Напившись чая, наняли четырехместную коляску и отправились осматривать Москву.

В Иверской часовне отслужили молебен и поехали в Кремль, осмотрели дворец, который произвел на меня еще большее впечатление, чем Зимний в Петербурге.

С двух террас дворца мы увидели всю Москву – это такой чудный вид, что нам не хотелось уходить, я смотрел с замиранием сердца на вьющуюся под дворцом Москва-реку, а за ней далеко расстилающееся Замоскворечье. Осмотрев терема, оружейную палату с древним оружием, экипажами и одеждами царей, мы проехали к Тверскому бульвару, где увидели памятник Пушкину, еще не открытый и задернутый пеленой.⁷⁵ Объехав еще часть города и пообедав в гостинице, приехали на Курский вокзал.

В Курске нам предстояла опять пересадка. Необъятные поля, которые развернулись по обе стороны железной дороги, когда мы двинулись по направлению к Киеву, и какой-то особенный пахучий нежный воздух меня поразили. Проехав часа четыре по этой линии, поезд наш остановился на станции Новоселки, на которой нам предстояло слезть. Это было в 7 часов вечера. В четырех верстах от нее и находилось имение Павловки моей двоюродной сестры. Она встретила

---

⁷⁵ ...памятник Пушкину, еще не открытый... – памятник работы А. М. Опекушина.

нас, была мила, ласкова, повезла нас к себе в двух экипажах.

Поля, попутные деревни – все было ново, не похоже на окрестности Петербурга. Меня поразили белые чистенькие домики в деревнях и селах и широчайшие дороги, каких я до того не видал. На полях я впервые увидел просо, коноплю, огромные пространства, засеянные пшеницей, которая выколосилась.

Ждали отца княгини Хилковой, моего дядю Петра Степановича.

Нам отвели чудные комнаты, у каждого было по комнате. Мне все казалось так роскошно, даже немножко страшно в такой роскоши. Я с нетерпением ждал приезда моего дяди – я так скучал по отцу, что увидеть его брата, услышать его голос, который мне напомнил бы отца, мне казалось счастьем. Помню, как с утра я волновался, ожидая его приезда. Мы побежали с братом навстречу. Показалась коляска, и я опрометью бросился к ней, вскочил на подножку, мне казалось, что я вижу частицу моего отца, я схватил его руки и стал их целовать. Голос его иногда мне очень напоминал отцовский. Мне ужасно приятно было его видеть, и добр, и ласков он к нам был очень.

Мы зажили очень хорошо, вокруг дома был тенистый парк, к нему примыкал большой фруктовый сад. В распоряжение наше, т. е. моего брата и меня, были беговые дрожки, которыми мы могли свободно пользоваться.

12-го июня в Павловки приехал А.Н. Синельников, сын

сестры моей тети, и рассказал о свадьбе своей сестры Комстадиус, вышедшей замуж за полковника Таля. Он пробыл два дня и уехал. В июне месяце полевые работы были в полном разгаре, и я целыми днями был в поле, помогая уборке, что мне доставляло большое удовольствие. Впервые мне пришлось видеть жатвенные машины, некоторые с приспособлением для связывания снопов проволокой, другие же просто откидывали снопы не связанные, а сзади уже шли работницы и связывали их. Я с большим интересом следил за работой этих жаток и изучил их устройство в подробностях, также как и устройство паровых и конных молотилок. Все это меня страшно занимало и очень мне пригодилось впоследствии. По вечерам обыкновенно ездили кататься в нескольких экипажах в лес – невдалеке была чудная дубовая роща – наше любимое место прогулок.

24-го июня, в Иванов день, мы ездили на ярмарку в Белополье – заштатный город в 12-ти верстах от Павловок. Жара была страшная, дорога очень пыльная, и мы приехали, покрытые ею, похожие арапов. Местоположение Белополья очень живописное, городок тонет в зелени, дома – все белые мазанки, и только два-три дома были двухэтажные. Ярмарка была очень большая, моя мать дала нам всем денег, и мы накупили разных вещей, но больше всего ситца, который оказался прекрасного качества, шириной полтора аршина и очень дешевый от 13-ти до 15-ти копеек. Мы пообедали у одного торговца Сушкова, у которого и отдохнули от жары. Ве-

чером мы отправились домой.

29-го июня праздновали нашего дядю, сплели из дубовых листьев гирлянды, устроили вензеля, вечером собрали песенников, которые очень хорошо пели. С этого дня по закону разрешалась охота, мы ждали этого дня с нетерпением. Недалеко от имения жил мелкий помещик Имзин, ярый охотник; наша двоюродная сестра познакомила нас с ним, и он предложил нам ездить с ним на охоту. Восторгу нашему не было границ. Моему брату Жюли Хилкова дала 12-ти калибровое ружье⁷⁶ своего сына, который все не приезжал, он временно командовал полком на Кавказе и не мог отлучиться. Мне мой брат уступил свое ружье, 20-й калибр. Чтобы не осрамиться, я каждый день ходил практиковаться и стрелял в цель. Глаз у меня был верный, и я хорошо попадал.

Наконец настал счастливый для нас день, Имзин заехал за нами, и мы отправились на огромное болото верстах в восьми от имения. Болото было очень топкое, ходить было очень трудно, да и жара была нестерпимая, но со всеми этими трудностями мы легко мирились. Бродили мы по болоту почти целый день, но убили сравнительно немного, всего 28 штук уток, бекасов и дупелей – Имзин и егерь по 11 штук, и я с братом по 3 штуки, двух убили еще, но не нашли. Это была моя первая охота, и я ею был очень доволен, так как всего

---

⁷⁶ ...12-ти калибровое ружье... – имеется в виду калибр гладкоствольного охотничьего ружья, означает целое количество сферических пуль, которые можно отлить из 1 английского свинца. Чем меньше диаметр, тем больше калибр. 12-й калибр имеет диаметр 18,5 мм, 20-й – 15,6 мм.

выпустил пять зарядов, а промахнулся только два раза.

После этого мы часто охотились, уезжая на целые дни.

В середине июля приехала семья моего дяди: его жена тетья Елена Яковлевна, или, как мы ее звали, тетя Елинька, с дочерью Еленой Петровной, младшей сестрой княгини Хилковой.

Я давно не видел свою тетю и нашел, что она очень постарела, двоюродная же сестра Лили совсем не изменилась, осталась такою же интересной, как была. Они приехали из-за границы, были даже в Испании, где видели бой быков. Их рассказы обо всем увиденном были очень интересны.

На другой день их приезда мы ездили в соседнее имение богача сахарозаводчика Терещенко к его главному управляющему Широкому, чтобы осмотреть образцово поставленное хозяйство, которое очень интересовало дядю. Все, что я видел, меня приводило в восторг, и я с огромным интересом слушал объяснения Широкого, которые он давал моему дяде.

После осмотра нас пригласили в дом, где на балконе был накрыт большой стол, уставленный всякими яствами. Мы пили чай, закусывали, потом пошли в сад, где был лаун-теннис и гимнастика. Я в это время уже очень порядочно делал гимнастику, мускулы у меня были хорошо развиты, и я всех удивил, вися свободно на одной руке, согнутой под прямым углом, и взбираясь таким манером на руках по наклонной лестнице.

В 10 часов вечера мы уехали обратно, темнота была страшная, мы расселись в трех экипажах, я с братом и сестрой милосердия Лебедевой сели в шарабан. Моя мать, боясь, что мы будем сами править, не хотела отпускать нас одних в такую темноту, и нам дали кучера Широкого. Но проехав с полверсты, мы остановились, дали кучеру две папироски и сказали ему, что он может идти. Он попросил нас довезти его домой, что мы и сделали. После этого я сел за кучера, было, правда, очень трудно править, так как впереди ехавшие коляски были уже далеко и дорогу было плохо видно. Но лошади бежали бодро, дорога была ровная, и мы хорошо доехали без приключений.

Жюли Хилкова ждала нас и хотела дать на чай кучеру – каково было ее удивление, когда мы подкатили без него. Нам немного досталось за нашу проделку, но потом все обошлось.

От старшей сестры из Тамбова часто получали письма, она начала там учиться ездить верхом, и я радовался, что смогу с ней кататься в Петергофе.

6-го августа у нас была очень удачная охота, Имзин заехал за нами среди дня, и мы с восторгом быстро собрались. Поехали мы за 12 верст и очень удачно охотились, убив 13 уток, 5 куликов, 2 дупеля и 12 бекасов, на мою долю пришлось 5 штук.

В середине августа все фрукты уже спели, и мы с наслаждением ели их целыми днями. В это время приехал и Дима

Хилков с Кавказа, его наконец отпустили. Я его не видал с самого его отъезда на войну, когда он был еще молодым гусаром. Теперь это был солидный мужчина с большой окладистой бородой в кавказской казачьей черкеске с кинжалом, он был уже в чине войскового старшины, увешанный боевыми наградами. Хотя он и был моим племянником, но был на 10 лет старше меня, и мы на него смотрели с гордостью, считая его героем.

Мы очень обрадовались его приезду, с ним приехали два лихих казака, и он привез с собой несколько собак, овчарок и борзых. Овчарки были очень злые.

По приезде Димы состоялось освящение дома. Я первый раз присутствовал на таком торжестве. К девяти часам мы приехали в церковь, которая от дома находилась в двух верстах. Всем нам дали по образу, Диме Хилкову – большой образ Богоматери, дяде – евангелие, два казака взяли хоругви, и мы, следуя впереди духовенства, пошли крестным ходом к дому через все село. Большая толпа шла за нами. Около дома крестный ход встретила хозяйка, наша двоюродная сестра, и взяла у сына образ Богоматери. Крестный ход вошел в дом, после чего состоялось молебствие с водосвятием. По окончании его обошли все комнаты, я нес святую воду в миске, один священник окропил все помещения, другой ставил кресты священным елеем над каждой дверью.

По возвращении в зал отслужили заздравный молебен и затем панихиду по всем усопшим родным, после чего обо-

шли крестным ходом вокруг дома, окропляя его снаружи. Обойдя дом, священник окропил святой водой все амбары, людские помещения, конюшни, скотный двор.

Крестный ход возвратился в церковь, а мы пошли на двор, где за длинными столами обедали мужики, бабы и рабочие. По окончании их обеда моя двоюродная сестра раздала им всем подарки. Мужики бросились качать ее сына Диму Хилкова, кричали «ура», многие были уже выпившие, все они пошли на площадку перед домом, плясали, пели песни довольно нескладно. Скоро приехали священники и с ними гласные села Павловки с хлебом-солью и с адресом княгине и князю Хилковым. После чтения адреса их угощали, и они со всеми здоровались.

Когда вся эта, можно сказать, официальная часть кончилась, мы пошли обедать. Обед был из шести блюд, длился он довольно долго, обедали с нами и выборные села Павловки. После обеда отправились опять на крыльцо, где нас обступили мужики, благодаря за угощение и подарки, и, войдя в комнаты, пропели хозяйке «многая лета».

Настроение у всех было очень хорошее, было много выпивших, но держали они себя вполне прилично.

После освящения дома мы могли остаться в Павловках всего четыре дня, очень нам было жаль уезжать, особенно моей младшей сестре Ольге, которая совсем влюбилась в своего племянника Диму Хилкова и все уговаривала мою мать остаться с ней еще. Но моя мать не хотела расставаться

с нами и решила ехать 20-го августа – нам надо было торопиться в корпус.

Приехав в Петербург, мы узнали, что министром внутренних дел 6-го августа назначен был граф Лорис-Меликов, товарищами к нему Каханов и Черевин, что во многие губернии отправлены сенаторские ревизии.

Государя в Петербурге не было, он уехал 17-го августа в Ливадию. Слухи передавали, что государь уехал не один, а с молодой женой, что он женился в июле месяце⁷⁷ на 34-х летней княжне Екатерине Михайловне Долгоруковой.⁷⁸ Этому слуху мы как-то не хотели верить, нам он казался невероятным, какой-то осадок лег на наши души.

В корпусе мы не нашли никакой перемены, только инспектор классов Алексеев ушел, и на его место был назначен генерал-майор Завадский. Это был серьезный человек, очень образованный, окончивший Артиллерийскую академию. Завадский был строгий, но не мелочный и весьма доброжелательный человек. Я лично его очень любил, к нему всегда можно было подойти, попросить совета, обратиться с просьбой, он никогда не вилял и сразу отвечал, не делая при этом никаких побряжек, был очень справедлив. Раз у меня с ним произошло следующее. Был экзамен математики, он

---

⁷⁷ ...он женился... – бракосочетание императора состоялось 6 июля 1880 г. в военной часовне Царскосельского дворца.

⁷⁸ ... Екатерине Михайловне Долгоруковой... – княжна Долгорукова (1847–1922), с 1880 – светлейшая княгиня Юрьевская, с 1866 – фаворитка, с 1880morganaticкая супруга Александра II.

сидел за экзаменом. Вызвали одного моего товарища, который ничего не знал. Вынув билет, он подошел расстроенный к доске, я сидел в первом ряду и шепнул ему, чтобы он показал мне номер билета. Он его написал на доске, пока экзаменатор допрашивал другого, я успел ему подсказать весь билет, он с моих слов исписал всю доску. Подсказывая ему, я и не заметил, что инспектор Завадский следил за мной. Но он меня не остановил, только когда я кончил подсказывать, я услышал свою фамилию. Завадский сделал мне знак подойти к нему, я подошел, он вполголоса мне сказал: «Явитесь к дежурному воспитателю, марш под арест». Я ничего не ответил, конечно, вышел из класса и был ввергнут в карцер. На другой день меня освободили. Товарищ мой экзамен выдержал. Учитель остался доволен ответом пажа и поставил ему 9, инспектор же, ничего не сказав учителю (а он мог велеть все стереть с доски, и тогда мой товарищ провалился бы), поставил ему только тройку. Средний вышел 6 – переводной балл. Я был удовлетворен, что хотя и посидел, но выручил товарища.

Из учителей у меня по математике оказался новый, так как мой старый, Юдин, заболел, вместо него стал преподавать подполковник Литвинов, изводящий преподаватель, объяснявший так, что никто не мог никогда понять, что он хотел доказать. Затем по физике был также новый прекрасный преподаватель Кладо – когда он рассказывал, то его можно было заслушаться, он отлично, ясно, отчетливо и ин-

интересно все объяснял.

В ноябре месяце, в конце, государь вернулся из Ливадии в Петербург. Встречи торжественной не было. Вскоре по приезде государя можно было ежедневно видеть на Невском или на Большой Морской карету характерной окраски – синей с золотом – экипажей Александра II, с ливрейным лакеем с аксельбантами и цилиндром вместо треуголки, и в окне кареты красивый профиль молодой женщины.

Слухи о женитьбе государя превратились в действительность, сомнений уже не было, а 5-го декабря последовал высочайший указ о пожаловании княжне Долгоруковой и ее детям: Георгию, Ольге и Екатерине – фамилии Юрьевских с титулом светлости. Таким образом, мы узнали, что государь не только женился, но имел уже детей от нее.

Это было большим для нас разочарованием, и когда государь приехал в корпус в середине декабря, то не знаю, как у других, но у меня на душе было не так легко, как в прежние приезды царя. Я замечал, что и мои товарищи так же, как и я, избегали говорить о женитьбе государя и о Юрьевской, мы были так воспитаны, что не смели и думать критиковать поступки государя, были воспитаны в непоколебимой преданности и любви к монарху, но тем не менее женитьба государя, когда вся страна была еще в глубоком трауре по императрице, внесла какую-то брешь в наши сердца, но сознаться в этом мы не решались не только друг пред другом, а даже и самим себе.

Государь на этот раз приехал в корпус в карете, окруженный казаками своего конвоя. Ужасно тяжелое это производило впечатление. Приехал государь позднее обыкновенного, к концу занятий, во время танцев, смотрел, как мы делали разные «па», танцевали вальс, польку, говорил с нашим преподавателем Стуколкиным. Впервые я увидел на сюртуке государя георгиевскую звезду.⁷⁹ При отъезде мы, как всегда, бросились провожать государя, в швейцарской густая толпа пажей, как старшего, так и младшего возраста, его окружила, фельдфебель подал государю шинель, выходные двери отворились, в это время государь вдруг повернулся к нам и сказал громким повелительным голосом, красиво грассируя: «Господа, прошу вас сегодня меня не провожать, не выбегать на улицу, я не в санях, а в карете, меня окружает конвой, могут быть несчастные случаи. Я этого не хочу, потому не бежать за мной, не провожать. Пожалуйста, господа. Спасибо за порядок».

Мы были очень разочарованы, но ни один из нас не двинулся с места, мы вышли только за государем на крыльцо, и, когда он садился в карету, у нас вырвалось оглушительное «ура», которое долго стояло в воздухе, пока карета царя, окруженная казаками, не скрылась из виду.

Нас отпустили в отпуск до вечера, уроки разрешили не готовить. Вскоре начались Рождественские каникулы, нас от-

---

⁷⁹ ...георгиевская звезда – звезда ордена св. Георгия 1-й степени, возложенная императором на себя 26 ноября 1869 г. в день столетнего юбилея ордена.

пустили до Крещения.

Наступил 1881 г., второй год мы встречали Новый год без нашего отца, которого нам очень недоставало. Тяжело было на душе очень. Кроме того, и настроение было чересчур тревожное – в конце декабря обнаружена была мина, подведенная под каменный мост на Гороховой,⁸⁰ по которой должен был проехать государь. Мина была, как говорили, такой силы, что четыре дома около моста должны были бы рухнуть, если бы мина взорвалась.

В январе 1881 г. у меня переменялся воспитатель, назначен был новый – подполковник Гейштер – он был очень хороший доброжелательный человек, но не умел как-то себя поставить и терялся, в общем, был неподходящим воспитателем для пажей и не оставил о себе ни доброй, ни дурной памяти.

В Петербурге было беспокойно, до нас все время доходили слухи о ряде арестов среди террористов. Разводы, которые бывали в Михайловском манеже каждое воскресенье, в течение всего февраля месяца отменяли, боялись за жизнь государя, так как было известно, что по пути готовятся покушения, что в разных местах заложены мины, но где именно, полиция не могла напасть на след. Наступило 1-е марта, это было в воскресенье. Накануне, 28-го февраля, в субботу

---

⁸⁰ ...мина, подведенная под каменный мост – В. Ф. Джунковский объединил в памяти две неудавшиеся попытки подрыва мины во время проезда кортежа императора из подкопов на Малой Садовой улице (д. 8) и под Красным мостом через Фонтанку на Гороховой улице.

первой недели Великого поста государь, говевший эту неделю, причастился святых тайн в малой церкви Зимнего дворца со своей семьей.

Граф Лорис-Меликов, как говорили, просил государя и на этот раз отменить развод, но великий князь Константин Николаевич будто бы стал говорить государю, что его сын Дмитрий Константинович уже который раз готовится к разводу, чтобы подъехать к государю на ординарцы, что он только и мечтает об этом, – и государь решил ехать. Маршрут был выбран по Миллионной и по набережной Екатерининского канала.

В этот день моя сестра праздновала день своих именин, и мы все вместе с нашей матушкой были у нее в Мариинском дворце, поэтому мы с братом не поехали на развод. Ничего не подозревая, мы сидели за чайным столом, как вдруг в комнату весь бледный вошел генерал Шебашев и сообщил, что сейчас, когда он ехал, раздался страшный взрыв, а потом разнесся слух, что государь ранен, что он заехал на минуту и едет сейчас в Зимний дворец. Мы сейчас же с братом выскочили из Мариинского дворца и опрометью бросились к Зимнему дворцу, куда бежали уже толпы. На площади было уже много народа, но близко к дворцу нас не пустили, мы стояли на линии Александровской колонны. Тут, в толпе, передавали разные слухи, говорили, что государя привезли всего истекающего кровью, что ему почти в упор была брошена бомба; другие говорили, что государь легко ранен, никто не знал

наверно. Мы стояли и с напряжением смотрели в окна дворца, а к дворцу все время подъезжали один экипаж за другим. Тишина в толпе была полная, говорили вполголоса. Но вот на балконе появилась фигура генерала, и мы услышали роковые слова: «Государь император в Бозе почил, на престол вступил император Александр III».

Вся толпа, как один человек, встала на колени, послышались всхлипывания, все крестились, продолжая смотреть в окна дворца. Прошло минут десять, мы увидали, как подали парные сани к подъезду, какой-то высокий сел в них, сани покатались по направлению к арке Главного штаба, прямо на толпу. Вглядываемся – да. Это он! Царь Александр III, только что вступивший на престол. Как какая-то электрическая искра пробежала по толпе, кто-то крикнул: «Государь!», – послышалось «ура», и мигом толпа бросилась за санями, шапки летели вверх, мы с братом тоже, увлеченные толпой, бежали что есть мочи до самого Невского. Это была удивительная минута подъема; оглушительное «ура» неслось по всему пути до Аничкова дворца. Огромное впечатление произвела эта простота, с какой государь, только что взошедший на престол, первый раз царем, выехал совершенно один в открытых санях.

С этого дня, по примеру царя, все, кто до сего времени ездили с казаками, стали ездить без конвоя.

Понемногу все подробности рокового события этого дня стали известны. Так как имелись сведения, что по Малой

Садовой улице заложена мина, то государь и избрал путь по Екатерининскому каналу, благополучно прибыл в Михайловский манеж. Развод в этот день был от л. – гв. Саперного батальона.

По окончании развода государь проехал в Михайловский дворец и пил чай у великой княгини Екатерины Михайловны. Наблюдавшей за этим террористке Перовской стало ясно, что государь вернется опять тем же путем, и она, как выяснилось впоследствии, расставила по этому пути метальщиков с бомбами, а сама по ту сторону канала остановилась против Инженерной улицы, чтобы оттуда подать сигнал, когда появится карета государя.

Государь ехал в карете один, за ним в санях ехал полицмейстер Дворжицкий, и затем тоже в санях – два жандармских офицера. Конвой окружал государя.

Карета повернула на набережную Екатерининского канала, и в эту самую минуту Рысаков бросил бомбу. Раздался страшный взрыв, несколько человек упало, были и тяжело раненные.

Карета государя осталась цела, лошади, кучер повреждены не были, только задок кареты отломился, но продолжать путь можно было, и не выйдя государь из кареты, он доехал бы невредимым.

Но государь, увидев раненых, приказал кучеру остановиться и вышел из кареты, чтобы подойти к раненым казакам. Когда государь, обойдя раненых, направился к карете,

то другой метальщик бросил бомбу прямо в ноги бедному государю.

Ноги были раздроблены, государь лежал на панели, но еще в сознании. В это время подоспел великий князь Михаил Николаевич, государя положили в сани Дворжицкого и повезли во дворец. Всю дорогу он истекал кровью.

Это случилось в 2 часа 15 минут, а в 3 часа 35 минут Александра II, царя Освободителя, не стало.

Перед кончиной его успели причастить.

С ужасно тяжелым чувством мы приехали в корпус в тот же вечер. Не верилось, что мы были почти свидетелями всего этого ужаса. Каждый день нас водили в церковь на панихиду. Уроки шли, но и учителя преподавали как-то машинально, и мы учились также по инерции, долго не могли мы войти в колею.

В день перевезения тела мы стояли шпалерами на Дворцовой набережной; пажи младшего специального класса, в том числе и мой брат, несли зажженные факелы по бокам колесницы. В Петропавловской крепости камер-пажи и пажи специальных классов несли все время дежурство, лекций и репетиций у них не было. Наш возраст водили прикладываться к гробу, мы целовали образ на груди императора и руку. Он лежал в гробу с чудным выражением своего царственного лица...

На месте злодейского покушения на Екатерининском канале сооружена была беседка из живых цветов с иконой Ка-

занской Божьей Матери, поставлен был почетный караул. Беседка эта оставалась до закладки церкви в память 1-го марта.

К концу марта понемногу жизнь стала входить в свои рамки. Пасха была 12-го апреля, встречали ее грустно.

После Пасхи начались экзамены, и брат, и я выдержали их хорошо, я перешел в 7-й класс, брат – в старший специальный.

Камер-пажи и пажи специальных классов получили на погоны вензелевые изображения императора Александра II.

По окончании экзаменов меня отпустили в отпуск, мой брат должен был ехать в лагерь под Красным Селом, а до начала лагеря еще на съемку в Петергоф.

В это время моя тетьа Юлия Карловна находилась за границей, куда она уехала со своим любимым племянником,⁸¹ который там и умер. Она осталась после его смерти совсем одна и все хворала. Все родные сложились и просили мою мать поехать за ней и привезти ее в Россию с тем, чтобы она жила у нас. Моя мать, которая очень была привязана к своей сестре, с радостью согласилась поехать, но, беспокоясь оставить меня и мою младшую сестру одних, так как моя старшая сестра была при княгине Терезии Петровне, а мой брат в лагере, решила нас взять с собой. Мы очень этому были рады, так как поехать за границу, куда мы и не мечтали попасть, ка-

---

⁸¹ ...со своим любимым племянником... – возможно, не племянник тети, а ее родной брат – Рашет Владимир Карлович.

залось нам чем-то особенным. Мне купили штатское платье, я оделся почти франтом и был очень доволен. Все родные нас провожали, мы выехали в Берлин, Висбаден, Крейцнах. Ехать было очень хорошо, мы ехали на Вержболово. Переехав границу, я ожидал гораздо большей перемены во всем, чем оказалось на самом деле. Меня поразила только обработка полей, доведенная до совершенства, и чудные дороги, все шоссе, обсаженные фруктовыми деревьями. Я вспомнил уроки нашего гувернера немца Штира и без всякого затруднения объяснялся с немцами. В Берлине мы остановились в какой-то небольшой гостинице близ вокзала, кажется, в «Hotel National», у нас было несколько часов в запасе, и моя мать наняла извозчика, который нас покатал по главным улицам.

Большого впечатления на меня Берлин не сделал, я обратил внимание на мостовые, которые меня поразили своей чистотой и гладкостью после Петербургских булыжных, особенно мне понравилась улица Унтер дер Линден. Побывали мы и в Зоологическом саду, но там меня ничто не поразило.

Тетя моя жила близ Кройцнаха в маленьком местечке Theodorshalle, куда мы и направились. Встреча была очень радостная, это была наша любимая и самая близкая тетя, и мы страшно были счастливы увидеть ее. Мы прожили тихо и скромно недели три и затем двинулись все вместе обратно в Россию.

Жизнь в Theodorshalle была весьма однообразна и скуч-

на, меня раздражала аккуратность и пунктуальность немцев и скупость их, и я находил, что все – плохо, все хуже, чем у нас в России. Кормили нас какими-то немецкими блюдами, черного хлеба не давали, чая порядочного не было, его совсем нельзя было пить. Хлеба белого, какой мы привыкли иметь в Петербурге, тоже не было, нам подавали какие-то «Kleine Semmel»⁸² и в очень ограниченном количестве. За обедом раза четыре в неделю давали оленину, которая надоела страшно, а кельнер как-то особенно отчеканивал, когда его спрашивали, какое будет жаркое: «Rehbraten, aber ausgerechnet, erstes Qualität».⁸³

Мы часто ходили пешком с сестрой в Кройцнах, это было верстах в четырех от нас. По-немецки я путал иногда слова, и вот как-то раз моя мать послала нас взять в одном из магазинов в Кройцнах серьги, которые она отдала починить. Придя в этот магазин, я с апломбом обратился к приказчику: «Geben sie mir die Ohrfeige, welche ihn meine Mutter zu reparieren gegeben hat».⁸⁴ Тот вытаращил глаза, ничего не понимая: «Was sagen Sie?»⁸⁵ сказал он. Сестра моя расхохоталась и сказала: «Die Ohrring».⁸⁶ Приказчик рассмеялся, а

---

⁸² Kleine Semmel (нем.) – маленькие хлебцы.

⁸³ «Rehbraten, aber ausgerechnet, erstes Qualität» (нем.) – Оленина, а именно, первый сорт.

⁸⁴ «Geben sie mir die Ohrfeige, welche ihn meine Mutter zu reparieren gegeben hat» (нем.) – Дайте мне пощечину, который ему моя мать отремонтировать давал.

⁸⁵ «Was sagen Sie?» (нем.) – Что Вы говорите?

⁸⁶ «Die Ohrring» (нем.) – серьги.

я сконфузился и был в следующие разы уже более осторожным. Меня потом все дразнили, так как моя сестра всем рассказала, как я хорошо говорю по-немецки.

На обратном пути мы заезжали в Висбаден, чтобы отслужить панихиду по нашему двоюродному брату, похороненному там. Висбаден мне очень понравился. Мы ездили там на очень красивую гору Нероберг, где снялись втроем – моя мать, сестра и я. Через 32 года я опять был в Висбадене и опять проехал на Нероберг. Застал там все в том же виде, как было 32 года назад: та же фотография, те же рамки, в которые вставляли снимки, те же надписи. Я подумал: «До чего немцы консервативны».

В июле мы были уже дома, благополучно довели нашу тетю, которая с тех пор жила всегда с нами, никогда нас не покидала. Мы приехали прямо в Петергоф, где для нас была уже нанята очень хорошая дача у самого Английского парка, недалеко от Английского дворца. Очень было приятно встретиться со старшей сестрой и братом. Лето прошло быстро, мы виделись со старшей сестрой ежедневно, то она к нам приезжала, то мы к ней. Брат приезжал по субботам. Благодаря сестре, я познакомился в это лето с очень милой семьей Миллеров и бароном Фелейзен. У старика Логина Логиновича Миллера, очень милого человека, было две дочери – одна, Гурли Логиновна, была замужем за банкиром бароном Фелейзен, сестра которого Минна Константиновна была замужем за генералом Галлом, товарищем по служ-

бе моего отца. Галл тоже состоял при великом князе Николае Николаевиче Старшем, а по вступлении на престол Александра III был назначен генерал-адъютантом, как говорили, по ошибке Военно-походной канцелярии. Другой брат, барон Фелейзен Евгений Константинович, был заведующим двором принца Александра Петровича Ольденбургского и принцессы Евгении Максимилиановны. Вторая дочь старика Миллера в то время еще не была замужем, ее звали Алисой⁸⁷ – это была на редкость прелестная девушка, красивая, образованная.

У Миллера жила его двоюродная сестра, Эмма Егоровна Флуг, чудная старушка, которая и воспитывала детей Миллера и еще Алину Константиновну Фелейзен, двоюродную сестру и сверстницу по годам Алисы. Они были очень дружны между собой, Алина Константиновна была тоже очаровательной барышней, у нее были замечательно красивые глаза, она была очень бойка, остроумна и кокетлива. У Алисы был еще брат Павел, произведенный в офицеры как раз в этом году, в Конную гвардию. Я очень привязался к этой семье, у них была чудная дача в Петергофе на берегу моря, на нижнем шоссе, бывать у них для меня было всегда большим удовольствием.

В августе, в конце, я был уже в корпусе, перейдя в 7-й

---

⁸⁷ ... Алиса... – Алиса Логиновна Михалкова (рожд. Миллер, 1861–1886), 1-я супруга А. В. Михалкова, дочь Л. Л. Милера, мать Марии (Марицы) и Владимира Михалковых.

класс. У моего брата в специальных классах уроки начинались 1-го сентября, он уже был в старшем специальном и записался в кавалерийское отделение, мечтая выйти в уланы – полк, в котором служили и мой отец, и мой покойный брат.

Учителя у меня были все больше старые, за исключением математики. Юдин ушел, и на его место поступил полковник Лялин. Это был очень серьезный преподаватель, отлично объяснял, был требователен, требуя точности до педантичности. Имел привычку говорить, если кто ошибался: «Ну, а подумавши?», «Ну, а потеряв переносицу?»

Баллы ставил очень скупой, высшим баллом у него было 7, как бы хорошо ни ответить. Я очень хорошо шел по математике, и только к концу года он мне поставил 8.

В 7-м классе занятий стало больше, прибавилось геометрическое черчение, статистика, законоведение и космография.

Мы жили в это время в Максимилиановском переулке.

В ноябре мой брат был произведен в камер-пажи, это было большим событием, и получил право на два отпуска в неделю помимо субботы. Камер-пажом он был назначен к княгине Терезии Петровне, но так как она все время была больна, не выезжала, то ему не пришлось служить при ней, во время высочайших выходов его назначали запасным, а в день присяги великого князя Михаила Михайловича по случаю совершеннолетия он был камер-пажом при нем и получил от него в подарок чудные золотые часы.

В декабре месяце, в день рождения моей старшей сестры, мы устроили дома спектакль. Это был для нее сюрприз, она и не подозревала, что мы ей готовили такой праздник. Я играл молодого помещика, влюбившегося в барышню, дочь соседа по имению. Мой брат и младшая сестра играли во французской пьесе. Привожу программу:

Домашнего
Драматического вечера, 5 декабря 1881 года.

Имеют быть даны следующие пьесы
с участием знаменитейших орелов нашего времени

1.

С той стороны
(Диалог Александрова)

Действующие лица:

Клавдинька Вострушина
Грибков, молодой помещик
Классная дама

г-жа Кованько II
г-н Джунковский II
—— « « ——

2.

Сердечная канитель
Комедия Корнеева

А.Н. Капканчикова
Лея (племянница)
Чистяков, доктор
Чичасов

г-жа Жеребцова
г-жа Кованько I
г-н Веревкин
граф Армфельдт

Начало спектакля в 7½ часов.

Критику гг зрителей просят оставить дома.

За шиканье будут выведены из зала.

Аплодисменты разрешаются, но в меру.

Спектакль сошел очень мило, сестра никак не ожидала и

была в восторге от нашей затеи.

Мой брат написал А.Н. Кованько, участвовавшей с нами в спектакле, следующее стихотворение:

Позвольте еще раз пред Вами,
Своей бездарностью блеснуть,
И благодарность Вам стихами
Своими выразить дерзнуть.
За то, что так Вы оживляли
Наш драматический кружок
И своим смехом оглашали
Уютный сцены уголок.
Вы апатичного актера
Вдруг превратили в знатока,
И я могу сказать без спора
Победа эта не легка.
Спектакля день в воспоминаниях
Мы все актеры сохраним
И в милых доктора стараниях,
Конечно, Вас лишь обвиним.

СПБ. 1881 г.

В этом году первый раз случилось, что мы с братом были дома вечером, нам не надо было ехать в корпус. Следующий день было 6 декабря – праздновали первый раз именины наследника цесаревича Николая Александровича, кроме того, это совпало и с воскресеньем.

В декабре, перед рождественскими праздниками, состо-

ялись годовые репетиции, которые я хорошо выдержал, праздники я провел дома, мой брат тоже, так что мы все соединились вместе. У княгини Терезии Петровны родился 1-го ноября сын, которого называли Александром, за него очень боялись, так как его мать была больна чахоткой. Мальчик вырос очень хороший, и моя сестра страшно привязалась к нему. Он был единственный из правнуков императора, сохранивший титул императорского высочества.⁸⁸ Вскоре после его рождения, Александр III издал указ, по которому только внуки царей оставались великими князьями с титулом императорского высочества, правнуки же были уже князьями и высочествами, а потомки этих последних, оставаясь князьями, именовались светлостями. Одновременно с умалением титула соответственно уменьшались и права их, сокращались и суммы, отпускавшиеся на их приданое и содержание от Уделов.⁸⁹ Александр III так поступил в виду того, что число членов императорского дома с каждым годом чересчур все увеличивалось.

С воцарением Александра III произошли большие перемены в высшем начальстве военно-учебных заведений.

---

⁸⁸ ...титул императорского высочества. – 24 января 1885 г. Александр III своим указом ограничил круг членов правящей династии, претендующих на титул «великий князь». Окончательно статус этого титула был закреплен «Учреждением об Императорской Фамилии», утверждённой императором 2 июля 1886 г.

⁸⁹ ...содержание от Уделов. – Через канцелярию Департамента уделов, ведавшего недвижимым (земельным) имуществом, принадлежащим императорской фамилии, проходила выдача субсидий.

Ушел граф Милютин – военный министр, о посещениях которого мы, пажи, всегда хранили самые дорогие воспоминания. Назначен был генерал-адъютант Ванновский. Ушел и главный начальник генерал Исаков, замененный генерал-лейтенантом Махотиным с назначением к нему помощником генерал-майора барона Зеделлера. Военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса.⁹⁰

Ванновский резко отличался от графа Милютина, у него не хватало той мягкости, доброты, которые сквозили во всех обращениях Милютина с пажами. Ванновский был сухой педагог, формалист, и потому его посещения хотя и не возбуждали страха, но к ним мы относились равнодушно, и он не так вникал в нашу жизнь, интересуясь, главным образом, научной стороной. Что касается Махотина, то хотя он и не был так суров, как Исаков, которого посещения наводили на нас страх, но тем не менее он оставил во мне, думаю, что и во всех пажах, впечатление менее выгодное, чем Исаков. Он не внушал страха, хотя был очень сухим человеком и формалистом, но в обращении с пажами с громкими фамилиями или имевшими связи, держался какого-то заискивающего тона, что не могло ускользнуть от нас, мы были очень чутки. Его помощник – барон Зеделлер – был очень светлой личностью, его появление в корпусе вызывало в нас всегда радость. Это был живой, открытый человек.

---

⁹⁰ ...переименованы в кадетские корпуса. – Переименование было осуществлено в соответствии с приказом военного министра № 132 от 7 июля 1882 г.

Коснусь теперь внутренней жизни в корпусе того времени. Воспитатели у нас были самые разнообразные, мы и относились к ним по-разному. Одних очень любили и потому старались не подводить, никогда не делая им неприятностей или, как принято было говорить в корпусе, не делали им «балаганов». К другим относились равнодушно, третьим, которых недолюбливали, ставили всякое лыко в строку и при малейшем поводе устраивали им балаганы. Балаганы устраивали иногда и учителям. Выражались они шумом, протестом, стуком пюпитров, не давали учителю начать урок, не вставали, когда он входил в класс, и т. д. Своим отделенным воспитателям балаганы бывали редки, их делали воспитателям других классов, когда те вмешивались в дела не своего класса или проявляли какую-нибудь бестактность. Вызывались эти балаганы всегда личными недостатками воспитателей: подозрительностью, обидчивостью, неумением подойти к пажу, объективно разобраться в его поступке, а главное, если воспитатель пойдет жаловаться инспектору или директору – этого пажи не прощали.

В январе месяце 1882 г. такого рода балаган был устроен одному из воспитателей общих классов, в котором я совершенно невольно оказался главным зачинщиком. Дежурным воспитателем был подполковник Литвинов, человек страшно вспыльчивый. Когда он чем-нибудь бывал недоволен или ему казалось, что паж нарочно его изводит, он напускался на него, кричал таким неистовым резким голосом, который был

слышен по всему корпусу. Этому ему никогда не прощали, особенно если он кричал на пажа не своего класса, где он был отделенным, а на пажа старшего класса. Мы почему-то считали, что воспитатель младшего класса не может делать замечаний пажу старшего класса, и не прощали такому «узурпатору» власти.

Не помню, какого числа, после вечерних занятий дежурный воспитатель Литвинов повел нас, пажей среднего возраста, строем к вечернему чаю в столовую. За столом кто-то из моих товарищей стал рассказывать какую-то смешную историю, мы покатывались со смеху. Литвинову показалось, что мы смеемся над ним, и он разорался на нас и приказал сидеть тише. Это только подлило масла в огонь. Я хохотал до упаду, Литвинов напустился на меня и, видя, что я продолжаю смеяться, приказал дядьке принести мне стакан воды, чтобы я успокоился. Меня взорвало, и, когда служитель принес мне стакан с водой, я ему сказал, чтобы нес воспитателю, что это ему надо успокоиться. Тот, недолго рассуждая, поднес стакан воды Литвинову. Надо было видеть, с какой яростью он накинулся на меня за такую дерзость, казалось, все стены рухнут, я ему на это ответил, что прошу не кричать на меня.

Все, конечно, приняли мою сторону, и когда он повел нас в дортуар, то, не сговариваясь, поднимаясь по лестнице, каждый незаметно ногой стал выбивать от ковра медные прутья, которые с грохотом летели вниз по гранитным ступеням.

Литвинов был вне себя. Когда же после молитвы часть пажей моего класса пошла заниматься в класс (нам разрешали в старшем классе заниматься до 10.30 часов вечера, если кто не успел приготовить уроков), то в этом классе раздалось пение. Литвинов немедленно побежал туда, тогда раздалось пение в спальне, он обратно – пение в классе. Только к 12-ти часам ночи мы все устали, легли и заснули. Вышел целый скандал, Литвинов доложил директору. Собран был комитет, я был выставлен главным зачинщиком, меня приговорили в карцер на пять суток, без права выходить на занятия и по окончании срока еще на две недели без отпуска. Кроме того, мне сбавили два балла за поведение.

Кроме меня, подверглись наказанию, но менее суровому, пятеро моих товарищей.

Было довольно тоскливо просидеть пять суток и не видеть никого, кроме служителя, приносившего мне чай, завтрак и обед. Самое тяжелое было спать на голых досках, на ночь мне давали только одну подушку, одеяло и пальто, окно было на потолке, так что я мог любоваться только звездами, и то в звездную ночь. Из книг давали только учебные.

Во всей этой истории мне было только жаль мою мать, которая очень близко приняла к сердцу мой проступок, и старшую сестру, очень волновавшуюся. Я был сконфужен и очень тревожился за свою мать, которая себя к тому же плохо чувствовала. Но вот наступил срок моего освобождения. Не скрою, очень мне было приятно выйти из заключения,

встретиться со своими товарищами, которые меня встретили шумными овациями. Предстояло еще две недели быть без отпуска, но меня могли навещать, и я ужасно был рад, когда ко мне приехали моя мать и сестра.

Когда я сидел без отпуска, вдруг, совершенно для меня неожиданно, меня вызвали в цейхгауз и стали примерять мне новую форму – фуражку офицерского образца вместо кепи. В это время по повелению государя менялась форма всех войск.⁹¹ Александр III хотел приблизить форму обмундирования к русскому образцу, упростить ее. Всем даны были высокие сапоги, отменены в войсках гвардии каски, взамен даны были мерлушковые шапки. У нас в корпусе в общих классах были даны только фуражки вместо кепи, остальная форма осталась прежней, в специальных классах дали только высокие сапоги, оставив все остальное по-прежнему.

После того как мне подогнули новую фуражку, я узнал от своего воспитателя, что я назначен на смотр государю в новой форме, что приказано от всех военно-учебных заведений представить государю по одному представителю, одетому в новую форму. Как это выбор такой чести выпал на меня, только что понесшего такое серьезное наказание, я до сих пор не могу сообразить. Конечно, я был бесконечно счаст-

---

⁹¹ ...менялась форма всех войск – преобразование формы всех видов и родов войск выразилось в значительном упрощении парадной и повседневной одежды и единообразии мундиров для офицеров и рядовых.

лив. От Пажеского корпуса поехал я один с адъютантом корпуса.⁹²

Государь жил в Гатчине, и нас повезли туда. Я страшно волновался – впервые мне предстояло увидеть так близко Александра III. Нас провели в Арсенальный коридор, где должен был состояться смотр. Меня, как пажа, поставили на правый фланг, рядом со мной совершенно в новой форме встал фельдфебель Павловского военного училища и один юнкер. Фельдфебель этот был Меркулов, вышедший в офицеры в Преображенский полк. Затем стоял фельдфебель 2-го Константиновского училища и юнкер Николаевского кавалерийского училища вахмистр Левицкий, вышедший в офицеры Конной Гвардии и юнкер Михайловского артиллерийского училища, затем юнкерского пехотного и от кадетских корпусов по одному представителю.

---

⁹² С А. А. Даниловским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.